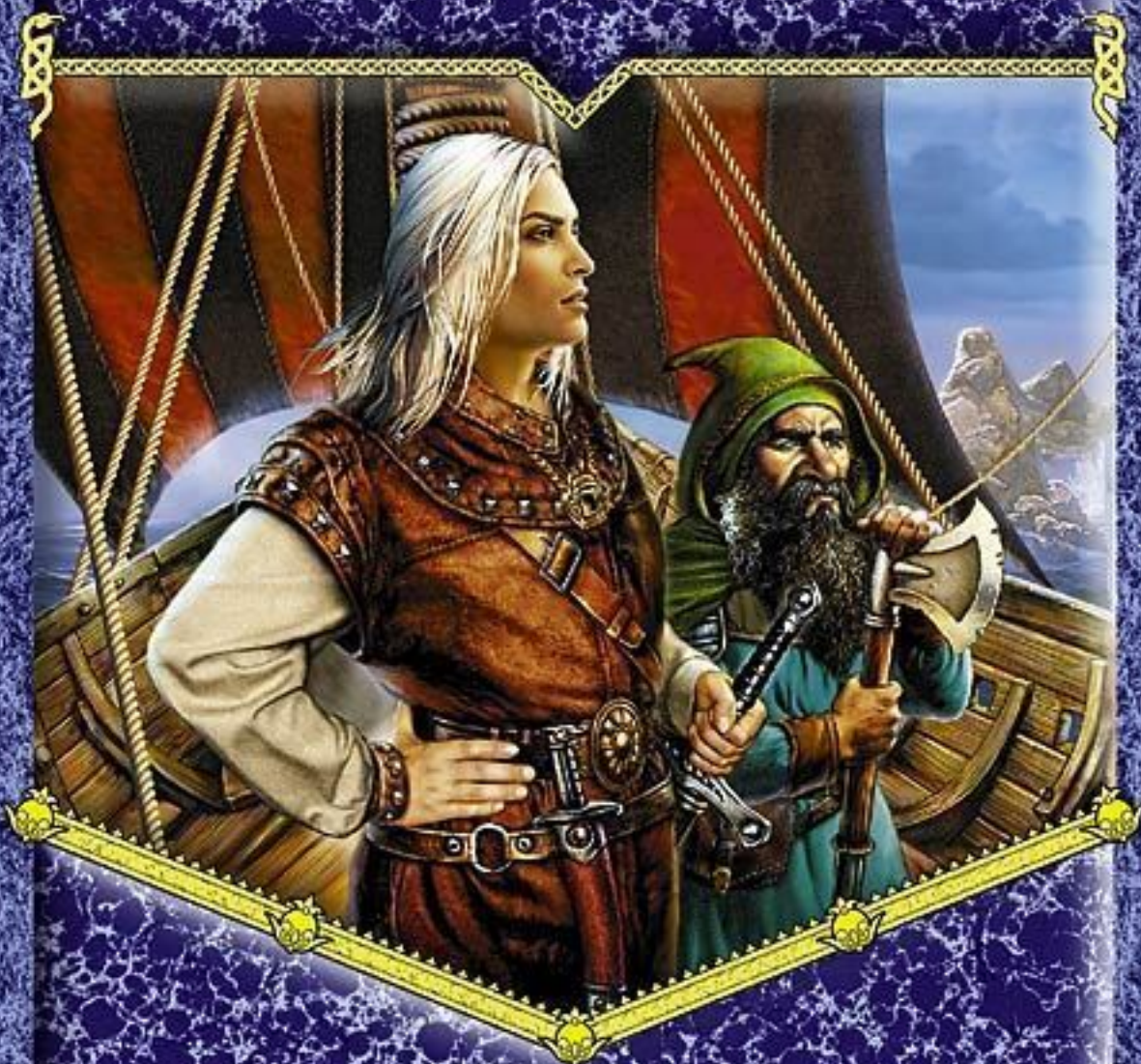

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ЮЛИЯ ФЕДОТОВА

ГЕРОИ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Наемники Судьбы

Юлия Федотова

Герои былых времен

«Автор»

2008

Федотова Ю.

Герои былых времен / Ю. Федотова — «Автор»,
2008 — (Наемники Судьбы)

Окончилась долгая война, солдаты возвращаются домой. Что несут они с собой из чужих земель? Какие проклятия лежат на них, какие призраки идут по пятам за ними, пропахшими кровью и смертью? И как встретит их родина? Что делать в мирной жизни тому, кто умеет только убивать?... Деревушка Гринторп, идиллический уголок старого Королевства, затерявшийся меж зелёных холмов. Там само время течёт по-другому, там до сих пор можно встретить единорогов, гоблинов и фей... Но покой её оказывается нарушен: один за другим от руки невидимого убийцы погибают ученики престижной Гринторпской школы. Главным подозреваемым по делу становится молодой отставной офицер Норберт Веттели, недавно получивший место учителя естествознания. Чтобы доказать свою невиновность, ему приходится самому взяться за расследование. Беда только в том, что сам-то он в своей невиновности, ох, как не уверен...

© Федотова Ю., 2008

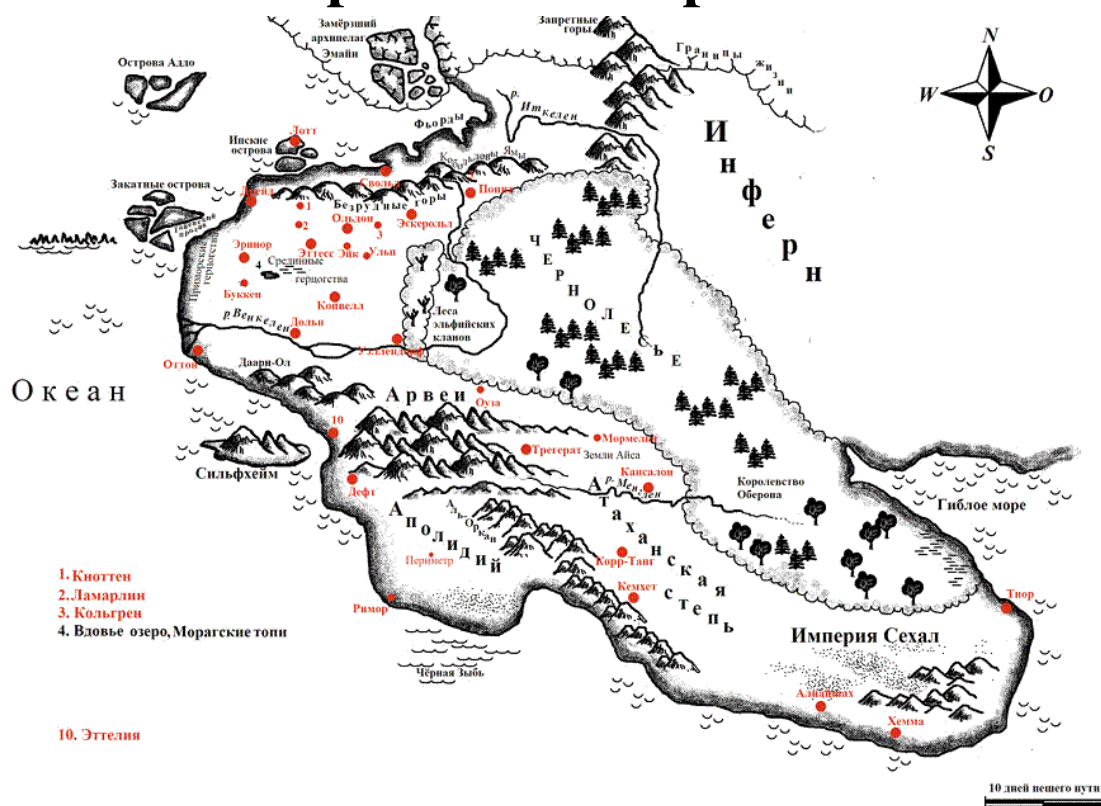
© Автор, 2008

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Юлия Федотова

Герои былых времён

Пролог

Представьте себе ситуацию. Начало июля. Прекрасное воскресное утро, которое вы, во что бы то ни стало, намерены провести в компании молодой жены. Телефон отключили, мобильный отключили, компьютер отключили, на фирме сказали, что уехали – чувствуете себя в полной безопасности. Но тут посреди вашей квартиры прямо из ничего объявляется грозный и могучий демон-убийца и спрашивает, водятся ли в вашем мире пиявки.

От удивления Макс даже не рассердился, как следует.

– Зачем тебе понадобились наши пиявки? Своих что ли не хватает?

Он уже имел несчастье свести знакомство с водоёмами мира иного и прекрасно знал: чего-чего, а уж этого добра там предостаточно.

– У нас все пиявки почему-то изменённые, – пояснил магистр Ингрэм. – А моему профессору для чистоты эксперимента нужны природные, магически нейтральные. Я все окрестные водоёмы обыскал, меня уже болотники в лицо узнают! А подходящих пиявок так и нет. Вот я и подумал, что проще к тебе сгонять...

– С кем это ты разговариваешь? – из кухни выглянула Ирина. – О! Хельги! Приветик! – Она улыбнулась так лучезарно, будто обнаружение демона в собственной квартире было для неё истинным счастьем. – Чай будешь?

– Нет. Спасибо, – скромно отказался тот, потому что чай терпеть не мог. И нескромно добавил. – Вот если в вашем большом белом артефакте есть такое, коричневое и шипит, то буду.

Ирина удивлённо оглянулась на мужа.

– Он имеет в виду холодильник, – пояснил Макс. – Он любит газированные напитки... Хельги, ты ведь не рассчитываешь, что я соглашусь посвятить выходные ловле пиявок?

Но тут у демона неожиданно объявился союзник.

– А почему бы и нет? Мы давно не были на природе. У меня есть бабушка Людмила, она в деревне живёт. Там в пруду водятся пиявки, я их в детстве боялась. Давайте съездим.

– Мы отдохнуть хотели! – Пробурчал Макс, которому вовсе не улыбалось провести несколько часов за рулём.

Ирина смотрела большими глазами, полными сочувствия к ближнему и укоризны к душевной чёрствости мужа.

– Но если человеку нужно!

– Он не человек, – напомнил Макс.

– Тем более!

К чему было последнее высказывание, Макс не понял. А за пиявками ему пришлось-таки отправляться.

Неплохой, кстати, вышел пикник. Местечко с настораживающим названием «Разбойное» оказалось вполне живописным уголком в духе сельской идиллии. Лесок, лужок, прудик, заросший ещё не заколосившимся рогозом... В нём-то искомые организмы и обитали.

Пока чета Ветлицких на почтительном удалении от воды организовывала шашлык, Хельги приступил к охоте. Без всякого, надо заметить, энтузиазма.

– Я пиявок, если честно, побаиваюсь, – признался он. – Хотя они такие красивые!

Макс даже удивился. Хельги представлялся ему существом абсолютно бесстрашным.

– Вот уж не думал, что ты чего-то боишься!

– Боюсь. Пиявок, клопов, Перевал в Безрудных горах и мэтра Перегрину.

Иринка приснула, а Макс порадовался, что упомянутый учёный муж их не слышит. Вряд ли ему польстило бы упоминание собственного имени в данном контексте. Хотя Хельги на самом деле ничего дурного в виду не имел.

– Ну вот! – демон торжественно водрузил посреди импровизированного обеденного стола трёхлитровую банку с извивающейся добычей. – Думаю, ему хватит.

Некоторое время все трое наблюдали за перемещением пиявок внутри ёмкости. Зрелище оказалось на удивление увлекательным. Странные бурые создания растягивались и сжимались, плавали, переползали по стенкам, присасываясь круглыми ртами...

– О-о-о! – вдруг в ужасе завопил Хельги. – Не может быть!

– Ты чего?! Что случилось?!

– Через Астрал взглянул! А они сплошь изменённые, заразы! Что мне теперь делать?

– Ну откуда в нашем мире возьмутся изменённые пиявки? – убеждал Макс. – Ты просто плохо посмотрел. Ошибся.

– Где я ошибся, если они оранжевым светятся?! В них магии как в хорошем амулете!

– Хельги! У нас немагический мир!

– Вообще-то, вон в том доме на отшибе живёт одна старуха, про неё поговаривают, что колдовать умет, – вспомнила Ирина.

Хельги устремил астральный взор в указанном направлении.

– Врут. Даже зачатков магии нет. Не могла она пиявок испортить... Ого! А это что за штука?

Со стороны было очень странно наблюдать, как прямо из центра пруда выныривает и летит по воздуху, скажем так, ОБЪЕКТ. Грязный, опутанный водорослями, облепленный тиной – сразу не разберёшь, что такое.

– Ты его левитировал, да?! – восхитилась Ирина.

Демон в ответ безнадёжно махнул рукой. Ему не то что посторонние предметы, собственное тело удавалось левитировать в одном случае из десяти, исключительно в состоянии крайнего стресса. А объект он просто ухватил астральным продолжением руки, благо магии в нём было хоть отбавляй. Попытался объяснить Ирине, но та, похоже, так и не поняла, в чём принципиальная разница.

Тем временем Макс с большой осторожностью прополоскал находку в воде, и на ум сразу пришла сказка про старика Хоттабыча, потому что предмет оказался старинным металлическим сосудом изысканной восточной формы, с причудливой гравировкой и утраченными инкрустациями. Узкое горлышко было плотно запечатано сургучом или чем-то вроде.

– Ой! Там джинн, да?! – подскочила Ирина. Она на удивление быстро привыкала мыслить магическими категориями. – Откроем?

– Не стоит! – Хельги поспешно забрал сосуд из рук Макса. – Это может быть опасно. Кстати, неужели в ваших широтах водятся джинны? У нас они только на юге, в Сехале. Если не считать резидентов – туфлевладельцев и заезжих торговцев.

– У нас их вообще нет. Только в сказках, – пояснила Ирина. – Я подумала, может вашего к нам занесло? Между прочим, сказочные джинны исполняют желания.

– Каким образом? – неожиданно удивился Хельги. – Они жадные до неприличия, хуже гномов. С чего бы им желания исполнять?

Пришлось вводить его в курс дела, используя довольно скудные познания в детской литературе и восточном фольклоре.

– У нас с вами разные представления о джиннах, – пришёл к выводу Хельги. – То, что вы описываете, это духи-ифриты, родичи демонов. А наши джинны – твари из плоти и крови, как я, например... Хотя, я тоже демон... тьфу, запутался совсем!

– Всё равно, надо открыть! – изнемогала от любопытства Ирина. – Вдруг духи-ифриты тоже желания исполняют?

– Тебе не хватило моего Царя Народов? – сурово напомнил подменный сын ярла.

– Тьфу-тьфу! Чур меня, чур!

– То-то же! С духами нужно обходиться осторожно, никогда не знаешь, что у них на уме. Я его в университет заберу, пусть там разбираются. Не пиявки, так хоть что-то...

– Но когда разберутся, ты **ОБЯЗАТЕЛЬНО** явись и нам расскажи! – напутствовала Ирина.

Часть 1

– Хельги! Ты когда унесёшь из дому эту дрянь? – осведомилась Энка, сердито кивая на узкий металлический кувшин, стоящий на подоконнике. – Я его всё время боюсь уронить, кода поливаю гортензию.

– Ой, можно подумать! Мгновенно окрысилась Меридит, только что мирно точившая любимый меч. – Цветочница наша! Ты про неё, бедную, раз в сто лет вспоминаешь. А всё остальное время или я поливаю, или Ильза!

– Ну и что. Если артефакт ронять даже раз в сто лет, всё равно может выйти беда.

– Да унесу я его! Как пойду в университет, так и заберу. Не специально же тащиться? – вклинился в девичью перебранку Хельги.

Ты это каждый день говоришь. А сосуд уже месяц тут обретаётся. Если бы хоть знать, что там внутри!

Меридит мстительно фыркнула.

– Так и скажи, что тебя любопытство заедает, а на гортензию нечего пенять!..

Наверное, девицы, в конце концов, подрались бы, на обеих дурно действовали июльская жара и безделье, обе стали раздражительными и гадкими. Но в самый критический момент дверь без стука отворилась, и в комнату ввалились... Орвуд с Рагнаром!

– Что это у вас не заперто? Фу, духота какая! Вся глотка пересохла! Есть чего выпить?

И не дожидаясь ответа, гном пересёк комнату, бесцеремонно сцапал с подоконника артефакт, лёгким отработанным движением сорвал пробку, поднёс ко рту, опрокинул...

Хозяева заорали в голос. Но ничего ужасного не произошло. Гном потряс сосуд, понюхал и объявил с нескрываемым разочарованием: «Пустой!» А на крик и брань, обрушившиеся на его голову, ответил без тени смущения: «А нечего раскидывать магические артефакты, где ни попадя! Тем более, у всех на виду! Если у вас дома порядка нет, нечего других винить.

В итоге, виноватым остался Хельги.

Демон безропотно выслушал все упрёки, а потом взял да и убрал артефакт с глаз долой, чтобы на нервы не действовал – спрятал в свой походный мешок и запихнул поглубже под кровать. Конечно, он собирался в самое ближайшее время отнести злополучную находку на кафедру прикладной магии, но опять забыл! Сами понимаете, напрасно.

Орвуд и Рагнар прибыли в Уэллендорф первыми. Спустя несколько дней вслед за ними подтянулся и Аолен. Последним из Дольна явился Эдуард. Он, оказывается, проштрафился – обругал начальника сехальским ослом, за что и был лишён вакаций на месяц.

Встреча, на сей раз, случайной не была, о ней условились заранее. Хельги отправлялся на поиск затонувшего драккара, остальные обещали ему помочь. Поэтому даже проницательная сильфида не заподозрила, что неспроста всё это, ох неспроста!

О том, как добираться до места поиска, мнения разделились. Рагнар, к примеру, считал самым разумным вернуться на ту галеру, которой они с гномом прибыли в город, и на ней проследовать до Аддо курсом вдоль побережья.

– Тогда на кой демон я тащился сюда, если мог спокойно дожждаться вас в дельте? – вознегодовал Орвуд. – И Эдуарда можно было подобрать в Дольне, а не ждать неделю! Нет уж, придумайте что-нибудь ещё.

Гнома горячо поддержала Меридит, памятуя о прабабке-разбойнице в Тайенском проливе. Не желала она с ней больше встречаться!

– Вероятность того, что вы встретитесь, очень мала... – начал было Аолен, но Меридит перебила.

– Встретимся, встретимся. У неё ко мне таксис. Деньги у нас есть, возьмём туфли и проскачем до Дрейда. А там наймём судно.

Гном опять остался недоволен.

– Ты посчитай, во что нам это обойдётся! Туфли на восьмерых, да ещё судно в придачу! Дешевле новый драккар купить!

– Не хочу новый, хочу свой! – оповестил Хельги.

– На тебя не угодишь, рассердилась диса на Орвуда. – Твоя скупость не знает границ!

– Моя скупость нам однажды жизнь спасла! – гордо напомнил тот. – Я своё мнение высказал, делайте что хотите. Но если мы разоримся, пеняйте на себя.

План дисы был принят к исполнению.

Джинны из гильдии туфлевладельцев не привыкли упускать свою выгоду. Едва в воздухе Староземья запахло миром, они поспешили восстановить довоенные базы в полном объёме, и даже основали две новые, в Поните и Монсе. Путешествуй – не хочу!

Даже не смотря на то, что (по настоянию гнома) туфли взяли не суперсовременные, использующие пожирающую пространство магию, а самые примитивные, рассчитанные на простого обывателя, спустя три дня компания уже добралась до Конвелла. И только там, на привале, Хельги обнаружил, что так и не вытащил из мешка магический сосуд. Энка принялась бранить безответственного демона, но тот отмахнулся.

– Ничего страшного. Свернём на Буккен, отдадим его Балдуру. Может, пригодится для колдовства.

– Крюк большой дадим, – заметила Меридит спокойно.

– Подумаешь, крюк! Ну, потратим ещё несколько дней, куда нам торопиться? – возразил Хельги, с опаской косясь на Орвуда.

Но гном, к его удивлению, протестовать не стал. Почему? Да потому что как раз накануне почтенный Канторлонг пришёл к неожиданному выводу. Он мужественно признался самому себе, что утратил всякий интерес к горным изысканиям – делу жизни каждого порядочного гнома. Зато походная жизнь совершенно перестала тяготить его. Он даже начал находить в ней определённые плюсы... А если так, отчего бы, в самом деле, не заскочить в Буккен, не навестить старину Балдура? Он неплохо готовит окорок, ему можно будет похвастаться, как ловко удалось избавить Староземье от орочьего нашествия, и он при этом не станет издеваться и хихикать, как некоторые. Определённо, чёрный колдун – компания, приятная во всех отношениях. Можно навестить.

Балдур Эрринорский пришёл в ужас. Не от появления гостей, разумеется. Колдун очень тепло относился ко всей их компании, а уж возможность лицезреть Хельги и вовсе почитал за счастье.

Дело было в кувшине.

Минули века, канула в прошлое эпоха страшных магических войн средневековья. Но и спустя столетия слышны в Староземье и окрестностях их отголоски. Много, много злых тайн сокрыла, до поры до времени, многострадальная Земля. Нет-нет, да и всплывают они, напоминая о жестоких днях прошлого.

Случается всякое. То соха селянина выворотит в поле камень с запретными символами. То землекопы потревожат забытую дурную могилу. То школяр-недоучка возомнит себя Великим магом, да и выпустит на волю опасного духа, демона ли. И пошло гулять по миру Зло. Давно не стало на свете тех, против кого оно было сотворено. Но оно продолжает жить, требует жертв. И гибнут твари невинные от чужого, забытого зла.

Но сколь ни вредны чародейские камни, дурные могилы и чёрные духи – сосуды Ахх-Ша ещё хуже. Будучи пустыми, они опасны не более кухонного котелка. Но, запечатанные

кровавым сургучом с печатью древнего мага Соламина, служат вместилищем злейшего из Зол. И горе тому, кто по дерзости, по недомыслию ли, рискнёт сломать печать, не имея на то права либо умения уберечь себя. Мгновенная гибель грозит ему, а Миру – страшные беды.

– Тогда почему я до сих пор жив? – резонно усомнился Орвуд. – Печать неделю как сломана.

Вопреки ожиданию присутствующих, гнома не особенно беспокоил рассказ колдуна. Неизвестно откуда прорезавшийся, но очень уверенный внутренний голос подсказывал: ЛИЧНО ЕМУ сосуд ничем роковым не грозит. Вместо него забеспокоился Эдуард.

– Вот мы ушли из Уэллендорфа, а вдруг там теперь древнее зло гуляет? Надо вернуться и обуздать его! А драккар может подождать.

Демон-убийца одарил бывшего ученика уничтожающим взглядом.

– Драккар может испортиться. А обуздывать древнее зло мы всё равно не умеем. На это магии есть. И вообще, раз Орвуда сразу не убило, значит, сосуд был пустой или зло от времени повыхлохось. Идёмте куда шли, а там видно будет.

На том и порешили. Отобедали вожделенным окороком и двинулись в путь.

Среди ночи путники были разбужены истошным воплем сильфиды.

– Кошмар приснился! – пояснила девица, бледная и мокрая как мышь.

– Расскажи! – велел Орвуд. – Я умею толковать сны.

– Представьте себе, – вещала Энка драматически. – Площадь вроде торговой, такая гадкая и грязная, какую и в Сехале не встретишь. Мусор, отбросы, нечистоты кучами. Посредине громоздится серое строение вроде сарая, у входа задом к миру стоит ишак. А над ним, на одном гвозде, косо висит табличка. И написано на ней «СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»! – Она обвела слушателей взглядом, ожидая реакции.

Те недоумённо переглядывались.

– Чего же тут страшного? Зачем было орать? – спросил Хельги.

– Как – чего страшного?! – взвилась было сильфида... но тут же осеклась. – А правда, чего? Просто как-то жутко стало... – и обернулась к Орвуду. – Толкуй давай!

Гном с досадой отмахнулся. Чего тут толковать? Наслушалась рассказов колдуна, вот и приснилась ерунда. Навейанный сон тайного смысла не несёт, это каждому известно.

Наутро Энка первая потешалась над своими ночными страхами – испугалась ослиного зада!..

– Расскажите про Средневековье. Когда оно было? – пристала Ильза.

И Хельги поведал всё, что знал.

– Давно. Ещё до Карола-Освободителя, – увы, магистр Ингрэм не был гуманитарием и представление о «недавнем» прошлом, измеряющемся не геологическими эрами и периодами, а историческими эпохами, имел самое смутное. Основные исторические факты, те, что мало-мальски культурному существу просто неприлично не знать, он кое-как усвоил, но с хронологией была полная беда.

– Хельги, счастье моё, ты бы лучше помалкивал, если не знаешь, – со вздохом посоветовала сестра по оружию. – Ни к чему демонстрировать миру подобную дремучесть.

– А что, разве Карол-Освободитель был ДО Средневековья? – искренне удивился тот.

– Разумеется, после! Но упоминать о нём в данном контексте просто смешно! Всё равно что... – она запнулась, подыскивая подходящее сравнение – Всё равно, что сказать: «палеозой был до нашего рождения». Столь же полезная информация.

– Подумаешь! – фыркнул демон-убийца. – Могу я чего-то не знать? У меня другая специализация.

Тогда просвещать желающих взялся Аолен.

Средневековье, рассказывал он, охватывает период с четыре тысячи пятисотого по пять тысяч шестисотые годы, то есть начало его отстоит от нашего времени на пятнадцать столетий. Оно заслуженно считается самой жестокой и кровавой эпохой в истории Староземья. Кошмарные магические войны, в коих гибли целые народы и приходили в упадок королевства, страшные нашествия гигантских чудовищ и магической нежити, моровые поветрия, выкашивающие города до последнего жителя – вот чем славится Средневековье...

Ильза слушала и тихонько повизгивала от ужаса. Она-то, глупая, думала иной раз: «как страшно жить на свете! То фьординги, то некроманты, то сектанты с орками! Надо было раньше родиться... А раньше-то, оказывается, ещё хуже было!

– Слава богам, нас тогда ещё не было! – воскликнула девушка от души.

Взгляд сильфиды как-то странно затуманился. Она с минуту помолчала, думая о своём, а потом изрекла.

– А что, наверное, в те времена жизнь была поинтереснее. Больше динамики. Лично я не отказалась бы...

– Боги великие! – всплеснул руками Орвуд. – Четырёх месяцев не прошло, как мир спасали, сами чуть не сгнули, а ей, видите ли, всё динамики не хватает! Совершенно ненормальная! Лично я ни за какие сокровища не согласился бы...

– Чего ты разорался, будто я тебя в Средневековье переселяю? – перебила сильфида возмущённо. – И вообще, хватит болтать. Пора в дорогу, пока свежо.

Было около трёх часов пополудни, когда приключилась неприятность. Отказали туфли-сорокоходы, все разом. Да так внезапно, что путники не удержались на ногах, попадали дорожную пыль. Счастье, что туфли были самые простые, не те, что используют пожирающую пространство магию, иначе не обошлось бы без жертв. А так – отделались разбитыми носами и коленками.

– С ума сойти! – удивлялся Хельги вслух. – В жизни не слышал, чтобы с туфлями такое случилось! – он вновь и вновь пытался разогнать магическую обувь, но тщетно. Теперь это были обычные мёртвые тапки, самого, надо заметить дурацкого вида: красные, парчовые, с высоко загнутыми носами и яркими кисточками. Чтобы не смешить народ, пришлось переобуться.

Раздосадованные путешественники свернули по направлению к побережью, в надежде добраться до Дрейда и дальше, до Аддо, морем. В противном случае предприятие утрачивало всякий смысл. Пешком за полтора месяца, оставшиеся до начала учебного года, туда-обратно не обернёшься.

День выдался не по-староземски жаркий. Над отвратительным, в кочках и колдобинах, трактом (а ещё говорят, будто в Герцогствах самые хорошие дороги!) дрожало и плыло густое полуденное марево. Будто не в Срединных землях находишься, а где-нибудь в Атаханской степи. Только феек-полудниц не хватало!

– Не могу больше! – взмолилась Ильза. Бедная девушка давно стянула с себя всё, что позволяли приличия, но всё равно было очень жарко. Хуже чем в Сехале, честное слово! Там хоть не обидно было – чего кроме жары можно ожидать от Юга? В Староземье же на её памяти подобного безобразия не случилось. – Давайте отдохнём!

Предложение было принято единогласно. Даже вредная сильфида не стала возражать. Насквозь пропылённые, мокрые от пота, путники свернули с тракта, спустились под откос, в придорожную рощицу... и будто в другом мире очутились!

– Кто бы мог подумать, что в человеческих землях остались такие чудесные уголки! – восхищался эльф.

Раскидистые дубы смыкали в вышине кружевные кроны, даря уставшим путникам милосердную тень. Трава под ногами...нет. Трава под тем, на чём сидят, была свежей и шелковистой, будто по весне. Из-под замшелого камня тонкой струйкой пробивался студёный ключик

– подставляй ладони и пей. Какой же сладкой и освежающей оказалась его вода! Хлебнул и будто заново на свет родился. Чуть поодаль нашлись кусты дикой малины, спелой, сочной и совершенно безвредной, вопреки опасениям Эдуарда, учёного горьким опытом. Над цветами кружились в хороводе, парили на золотых крылышках крошечные лесные фейки. Появление пришельцев вспугнуло малюток, с пронзительным писком они попрятались среди листвы. В воздухе разливался медовый аромат, птицы звенели без умолку, и цикады вторили им. Даже не верилось, что в двух шагах от всего этого совершенства лежит пыльная, раскалённая дорога, по которой шагать и шагать ещё не один день...

...И вдруг явилась ОНА.

Первым её заметил Хельги, остальные успели задремать после обеда. Как она выглядела? Восхитительно. Не смотря на нежно-зелёную кожу и огромные раскосые глазищи неприятного желтоватого оттенка. Появилась она эффектно – вышла прямо из дерева.

– Привет вам, почтенная! – вежливо поздоровался демон и поспешил деликатно отвернуться, потому что одежды на зелёной деве не было вовсе. Длинные, цвета листвы волосы лишь немного прикрывали те части тела, которые приличные дамы обычно предпочитают не выставлять на всеобщее обозрение.

– Что видят очи мои! – сурово молвила зелёная особа, не отвечая на приветствие. – Возможно ли, чтобы достойные ФЕЙРИ водили компанию с презренным людским отродьем и позволяли себе делить с оными трапезу?

– Чего это она? – громко спросила Ильза, пятясь поближе к Хельги. – Сама голая, а ещё ругается!

Дама её, разумеется, услышала. Гордо вскинула голову, сказала презрительное «Ха!» и, отступив на шаг, канула в древесном стволе.

Казалось бы, ничего не изменилось вокруг. Но всем вдруг стало как-то неудобно. Так бывает, когда враг, оставаясь невидимым, смотрит тебе в затылок. Наскоро собравшись, компания поспешила покинуть идиллический уголок с его негостеприимной хозяйкой.

Странная какая! – рассуждал Эдуард на ходу. – Чего она взялась на людей? «Презренное отродье», надо же!

– Может, её родичей в войну на амулеты пустили, и она возненавидела род людской? – предположила Энка. – Недавно дело было, не успокоилась ещё, вот и злобствует.

– А она вообще кто? – просил Рагнар. – Я таких раньше не видел. На лесовицу смахивает, но глаза другие. Да и не станут лесовицы голыми бегать, они скромные.

Сильфида в ответ лишь пожала плечами. Мало ли народов в Староземье, всех никто не знает.

Орвуд сосредоточенно нахмурился, пытаясь вспомнить.

– Какое-то она слово сказала, странное. Достойные фари? Фэрии?

– Фейри, – пояснила Меридит. – Это общее наименование нелюдей. Сейчас оно совершенно вышло из употребления, но было в ходу раньше, до человеческой экспансии времён Карола-Освободителя, когда люди сделались самым многочисленным народом Староземья и именно ими стали определяться современные языковые нормы. Архаизм.

– Дурацкое слово, – заметил Хельги. – Где она такое откопала?

– Да мало ли. Может, она в своём дереве тысячу лет сидит, ни с кем не общается, не знает, что на свете творится, вот и выражается архаизмами.

Гном с дисой не согласился. Дама не производила впечатления изолированной от мира затворницы. Напротив, казалась весьма энергичной и активной. Из тех, что любят совать свой нос в чужие дела. Едва присели, а она тут как тут! Отдохнуть спокойно не дала, паразитка бесстыжая!..

Да, что-то, а ворчать почтенный Канторлонг умел! Долго, обстоятельно, со вкусом и удовольствием. Он мог ворчать часами, если ему не мешали.

Но ему помешали.

Навстречу путникам двигалась необычная процессия. Шли нищего вида люди, несли вязанки хвороста. За ними, ведомая под уздцы седовласым мужиком, плелась тощая лоша-
дёнка. Она с заметным усилием волокла по кочкам низкую телегу, истошно скрипели оси, тарахтели на камнях деревянные колёса. На телеге лежал здоровенный, плохо отёсанный столб и несколько штыковых лопат. Замыкала шествие группа совсем молодых людей в неприятных белых балахонах вроде тех, что носят палачи, но без капюшонов. Деревянными кольями они гнали перед собой женщину, судя по фигуре, тоже не старую. Лица её не было видно – скрывал надетый на голову мешок. Руки несчастной были связаны за спиной, босые, в кровь сбитые ноги стреножены верёвкой. Как бы ни старалась, она просто не имела возможности двигаться столь быстро, как хотелось её конвоирам. Те злились, и вообще, заметно нервничали.

– Чем это вы занимаетесь? – не справившись с любопытством, спросил Хельги у ближай-
шего из мужиков с хворостом, самого замызганного и всклокоченного.

– Как чем? – ответил тот. – Ясно, ведьму сжигать ведём.

– Зачем?! – поразился Хельги. Обычно представители упомянутой профессии пользова-
лись в народе большим уважением. Если в отношениях с ними и случались осложнения, до
подобных жестоких расправ дело никогда не доходило.

– Как зачем? – настал черёд мужика удивляться. – Она ведь чёрная! На стадо мор напу-
стила! Всё стадо наше извела, проклятушая! По миру всё село пустила! – лицо его плаксиво
скривилось, задрожали бескровные потрескавшиеся губы.

Демон машинально взглянул через Астрал. Чёрная расплывчатая клякса медленно
ползла в окружении тусклых светлых точек-конвоиров, подрагивала щупальцами-нитями.
Сильная чёрная ведьма.

Взгляд мужичонки вдруг настороженно забегал.

– А вы не подумайте, господин хороший! Королева Мэб – она того...дозволяет. Мы
нарочно справлялись. Староста сам в лес ходил, спрашивал...Это, говорят, ваши дела, чело-
вечи. Нам, говорят, до ваших делов интереса нет...

...– Почему мы их не остановили?! – возмущённо спрашивал Эдуард, глядя вслед уда-
ляющейся процессии. – Они сожгут бедную женщину заживо! Дикость средневековая!

– Пусть жгут, – решил демон-убийца. – Не будет скотину морить! Чем ей бедные живот-
ные помешали?!

– Но это незаконно! – упорствовал принц. – Ведьм уже тысячу лет запрещено сжигать,
я точно знаю! Мой папаша однажды хотел... – он осёкся.

– Восемьсот лет, – поправил эльф каким-то странным голосом. – Последнюю чёрную
ведьму сожгли в пять тысяч двести двадцать седьмом. В том же году основанная Верховная
Коллегия магов издала запрет на предание огню лиц, практикующих колдовство. Собственно,
это было первое её постановление.

– Законы пишут для того, чтобы их нарушать, – выдала циничную банальность Энка, но
в тоне её не чувствовалось обычной уверенности.

А Рагнар думал о своём.

– Интересно, про какую Мэб он толковал? Я знаю все правящие семьи герцогств. Нет в
них ни одной Мэб, тем более в титуле королевы!

– Королева Мэб, – принялся повествовать эльф всё тем же чужим, лишённым выражения
голосом, – правительница фей, горных эльфов и огромного числа малых народов, населявших
Волшебную страну.

Ильза мечтательно вытаращила наивные голубые глаза.

– Ой! Волшебная страна! А где это?! Тут недалеко, да? Я обязательно должна посмот-
реть!

Любительница народной мудрости только фыркнула.

– Вспомнила бабка, как в девках ходила! Волшебной страны нет уж полтысячелетия, Коллегия разнесла её в последнюю магическую войну, Карол-Освободитель довершил дело.

– У-у! – огорчилась девушка, ей очень понравилось название. Волшебная страна! Так таинственно, так сказочно звучит! – А где она была?

– Везде и нигде. Где селились подданные Мэб, там и была её страна. Но посторонним – людям, гномам, некоторым другим свободным народам вход в неё был закрыт. Принцип разделённого пространства. Лесные эльфы до сих пор им пользуются, маскируя свои Дома Кланов.

– Если людям туда не было доступа, как же до неё добралась Коллегия? – заинтересовался разговором Эдуард, дотоле молча скорбевший о горькой участи ведьмы.

– Почему ты решил, что коллегию составляли только люди? Она с самого начала поли-этнична. Это был большой заговор магов, людей и нелюдей, в том числе и подданных Волшебной Страны. Большинство народов терпеть не могло Мэб. Редкая, говорят, стерва была, хоть и красоты неопишущей!

Меридит слушала рассказ подруги с нескрываемым восхищением.

– С ума сойти! Вот уж не знала, что ты такой знаток истории! На лекциях нам про Волшебную Страну только один раз упомянули, я даже забыла, что она вообще была!

– Романы читать надо! – усмехнулась сильфида. – Дамские романы, глупые и сентиментальные.

Аолен смотрел на друзей грустными глазами – так умудрённые жизнью старцы взирают на беспечных младенцев, не ведающих о том, какие тяготы жизни ждут их впереди.

– Всё обсудили? Вопросов больше нет? Тогда, ради всех богов, дайте, наконец, труд вашим мозгам! Разве вы ничего не замечаете? Нас преследует цепь странных, невозможных событий! Поломка туфель, зелёная дама с её архаизмами, совершенно немыслимое в наше время аутодафе, ссылки на королеву Мэб – неужели всё это ни о чём вам не говорит?!

– Нет! – честно признался рыцарь, и остальные согласно кивнули.

Но Хельги вдруг замер на месте, побледнел и даже поднял руки вверх, будто сехальский стрелок, сдающийся в плен.

– Это не я!!! Всеми богами клянусь!!!

– Тебя никто и не винит! Я уверен, дело в сосуде Ахх-Ша. Его козни!

– Да что случилось-то?! – вскричал Рагнар, он, бедный, так ничего и не понял. – Скажите, наконец!

Вообще то, деликатный Аолен собирался открыть друзьям страшную истину постепенно, дав время морально подготовиться. Но Хельги, хоть и был существом культурным, тонкой душевной организацией эльфа не обладал. А потому раздражённо выпалил напрямую.

– В Средневековье нас занесло, вот что случилось!

В первый момент Ильза оцепенела от ужаса. Единственной внятной мыслью, сохранившейся в её голове, было: «Слава богам, я не благородная дама. Иначе упала бы в обморок!» (В её представлении, сей романтический недуг был уделом исключительно особ голубых кровей.) Но, едва оправившись от первого потрясения, девушка сообразила, что, по большому счёту, ничего катастрофического не произошло. Какая, в принципе, разница, куда именно их занесло? И в Средневековье люди живут. А в её жизни случались вещи и похуже. Один фьординг Улаф чего стоит! Или жуткое Чернолесье. Или взрыв на Звезде Морей. Да мало ли! Пережила же как-то. И это переживёт. Главное, они все вместе, и рядом Хельги. Остальное образуется.

Примерно так, с небольшими вариациями, касающимися, главным образом, отношения к персоне Хельги, рассуждали и прочие участники злосчастной экспедиции. И только сам подменный сын ярла оставался безутешен.

– Накрылся мой Гром медным тазом! – горевал он, позабыв о собственной культурности.
– Почему? – удивилась Ильза. Она так и не разобралась во всех тонкостях происшедшего. – Разве в Средневековье нет Океана? Пойдём и выудим!

Демон взглянул на девушку с неприкрытой жалостью.

– Океан здесь есть. А Грома нет. Его, самое малое, через пятьсот лет построят! А то и через тысячу!

Вот тут Ильзе стало страшно по-настоящему.

В каком бы времени вы ни очутились, пусть даже в далёком прошлом, есть всё равно хочется.

Собираясь в путь по обжитым, относительно благополучным землям, больших запасов провизии компания не делала. Какой смысл таскать на себе лишний груз, если в любом встречном селении можно разжиться свежими продуктами?... Увы. Можно БУДЕТ разжиться. Спустя столетия.

В трёх ближайших деревушках, попавшихся на пути, взять было абсолютно нечего, не то что за деньги, даже силой. В этом Энка убедилась лично. Проголодалась и пошла грабить. Вломила в одну из хижин, показавшуюся ей наиболее зажиточной.

Хозяева даже не пытались сопротивляться. Сидели, обречённо сложив иссохшие руки: берите, благородная госпожа, что сыщете. В итоге раздосадованная грабительница отдала последний кусок дорожной лепёшки кривоногому ребёнку, такому тощему, малорослому и безобразному, что его легче было принять за упырёнка, чем за отпрыска рода человеческого, плюнула в пустой угол и ушла прочь.

– Как успехи, разбойная наша? Много добыла? Поделишься с боевой подругой? – ехидничала Меридит.

Сильфиде только и оставалось, что шипеть и ругаться «дурой».

Гном тоже ругался.

– Вот времена! – брюзжал он. – Середина лета, а скудно, как зимой. Отчего бы это? Скорее бы до побережья добраться, может, там сытнее? Как никак, рыба.

Так они и брели, по инерции, прежним маршрутом день за днём. А на шестые сутки скитаний по чужому времени Энка объявила перешедшей на подножный корм компании: Средневековье ей надоело, она хочет назад. В самом деле, жизнь текла на удивление однообразно.

По обе стороны от пыльного тракта, ведущего, как хотелось бы верить, к Дрейду, лежала равнинная местность, заросшая дремучим лесом. До нашего времени такие тёмные, непролазные чащи в Староземье западнее Венкелен не сохранились. Их место заняли пашни и сады, выросли посёлки и целые города, раскинулись заботливо ухоженные лесниками герцогские охотничьи угодья. Рагнару прежде (или позже?) не раз случалось бывать в здешних краях, и с дружественными визитами, и во главе атакующего войска. Но как ни старался рыцарь усмотреть в далёком прошлом знакомые черты, ничего не получалось. Время изменило ландшафт до полной неузнаваемости.

Одно было несомненно – дичи в средние века водилось в изобилии. Зайцы перебежали дорогу, грузные тетерева перепархивали с ветку на ветку, олени и косули нет-нет, да и выглядывали из придорожных зарослей, непуганые до наглости. А уж кабаньих орешков было разбросано видимо-невидимо. У Рагнара глаза горели охотничьим азартом, но стоило завести речь об охоте, Хельги принимался злобно шипеть.

– Однажды вы уже поохотились! Чуть не угробили нас всех! До чего же прозорливый народ люди!

Но им повезло. Косматый вепрь, огромный и страшный – перед таким и медведь не устоит, выскочил из придорожных кустов с явным намерением уничтожить всё живое на своём пути. Но эльф вскинул лук, прицелился в налитой дурной кровью глаз, и проблема продоволь-

ствия отпала сама собой. Даже Хельги мужественно признал меру вынужденной и от жаркого отказываться не стал. Хотя и утверждал, из принципа, что мясо вонючее и вообще, скоро протухнет.

Так или иначе, но голода больше не было. Остались неопределённость и скука.

– Нам нужен план действий, – развивала свою мысль сильфида. – Бредём как стадо баранов, куда, зачем – сами не знаем.

Ильза удивлённо моргнула.

– Разве мы не к морю идём, рыбу есть?

Сильфида застонала от её глупости так выразительно, что эльф поспешил вмешаться, прежде чем вредная девица наговорит бедняжке гадостей.

– Мы придём в Дрейд, поедем рыбы и поищем хорошего мага, чтобы вернул нас назад.

– Ты уверен, что Дрейд уже построили, и в нём есть достаточно квалифицированные маги?

– Дрейд древний город. А не он, так другой найдётся. И маги в средние века были не хуже современных, в чём-то даже превосходили. Боги дадут – выберемся.

Последняя невинная фраза вызвала у сильфиды новый взрыв негодования.

– Вот-вот! На чужих богов только и надемся! А наш собственный даже не почешется предпринять хоть что-то полезное. Хельги! Оставь в покое жабу – (упомянутая персона в описываемый момент предавалась изучению местной фауны.) – Ныряй в Астрал, ищи дорогу домой!

Сперва демон даже не удостоил девицу ответа. Но минуту поразмыслив, в самом деле отпустил жабу и нырнул. Не потому что рассчитывал на успех. В магическом пространстве он даже собственные части тела не всегда умел найти, не то что дорогу сквозь времена. Просто он замыслил эксперимент. Нить, ведущая в мир Макса, по-прежнему ярко и чужеродно сияла в его астральном поле. Скользнул по ней... и очутился в дремучем бору. Седые замшелые ели гудели на ветру, непролазные буреломы преграждали путь, матовые шляпки белых грибов прятались во мхах. И ни намёка на присутствие человека. Таким диким, нетронутым выглядел лес, что Хельги стало предельно ясно: Макса в этих краях не будет ещё долгие столетия. Средневековые чужого мира.

Грибы Хельги собрал. Чего зря пропадать добру? Ильза обрадовалась, ей последние дни попадались одни маслята, хотелось разнообразия. И вообще, интересно. Грибы из чужого мира! Энка и Орвуд её восторгов не разделяли и долго упражнялись в остроумии по поводу демонов-убийц и приносимой ими практической пользы. Тот сделал вид, что не слушает. Поймал себе очередную жабу и принялся разглядывать с таким интересом, будто впервые в жизни встретил этакое диво. Смотрел, смотрел, а потом глубокомысленно изрёк.

– Какая-то она необычная!

– Покажи! – заинтересовалась сестра по оружию. Смотрела, смотрела, но ничего особенного не высмотрела.

– Жаба как жаба. Чего в ней необычного?

– Ты погляди, какие у неё глаза умные!

Право, лучше бы он помалкивал! Новый взрыв остроумия не заставил себя ждать.

Гном и сильфида ехидничали, жертва их вяло огрызалась, как вдруг...

– Ой! – заорал Рагнар в голос. – Ой, она на меня лезет!!! Хельги, забери её!

Кто бы мог подумать, что могучий рыцарь, способный, как известно, одним ударом проломить городские ворота, панически боится крошечных амфибий?

А отпущенная на волю жаба в самом деле вела себя странно. Убегать она и не думала. Напротив, с видом отчаянным и непреклонным карабкалась вверх по рыцарской ноге. Срыва-

лась, сползала, но лезла всё выше. Наследник престола Оттонского как зачарованный наблюдал за её неуклонным продвижением и не смел шелохнуться от отвращения.

– Наверное, она бешеная, – деловито предположил Эдуард, не считаясь с душевным состоянием своего друга.

Тот в ответ заскулил совсем уж жалобно. Хельги аккуратно снял упирающееся животное с рыцаря.

– Куда тебя несёт, дурочка? Иди, гуляй!

На ответ он, само собой, не рассчитывал. Но жаба ответила.

– Ква! – сказала она оскорблено. – Ква-ква! – точно с такой же интонацией Энка говаривала обычно своё коронное «сам дурак!».

– Ой! – от неожиданности он чуть не выронил находку. – Силы Стихий! Она разговаривает!

– Спятил? Как жабы могут разговаривать? – не поверила сильфида. – Они твари безмозглые и бессловесные.

– КВА-А! – в голосе животного было столько возмущения, что девица растеряла весь свой скептицизм.

– Может, она того... изменённая?

Хельги взглянул через Астрал. От жабы исходило нежно-розовое сияние, довольно интенсивное для существа подобного размера.

– Это магически изменённая жаба! – постановил демон.

– Ква! – радостно кивнула та.

– А от меня она чего хочет? – простонал рыцарь.

В ответ жаба совершенно немыслимым образом вытянула губы трубочкой и издала громкий чмокающий звук. Сильфиду, отличавшуюся живостью ума и нестандартностью мышления, её поведение тат же навело на мысль.

– Знаете, – поведала она таинственно, – Я читала в одном романе, как принцессу превратили в жабу, но прекрасный принц посредством поцелуя вернул ей человеческий облик.

– Да, есть такая легенда, – подтвердил Аолен.

– Ква-а-а! – возрадовалась жаба.

– Так за чем дело стало? – быстренько сообразил демон. – Принцев у нас предостаточно. На, целуй, – он бесцеремонно сцапал предполагаемую принцессу под мышки и сунул прямо в лицо Рагнару.

Рыцарь шарахнулся, как от упыря.

– Ай-ай! Не буду! Уйди! – и добавил, кое-как взяв себя в руки. – И вообще, болтовня всё это. Детские сказки. Не верю. И всякую пакость целовать не желаю.

– Не хочешь, не надо, – слегка обиделся демон, и протянул жабу бывшему ученику. – Давай тогда ты.

– Давай, – спокойно согласился Эдуард.

– Ква-а-а! – протестующе завопила амфибия.

Но принц Ольдонский стиснул брыкающееся животное в кулаке и механически, без эмоций чмокнул в пучеглазую морду.

Если честно, никто из всей компании, даже Энка, не верил в результат. Но он не заставил себя ждать. Эдуард едва успел опустить стремительно увеличивающееся в размерах существо на землю, иначе уронил бы. Зрелище было из разряда «нервных просим удалиться» Жабье тело извивалось и корёжилось, кожа растягивалась, трескалась и сползала ошмётками, конечности втягивались, а что творилось с мордой, и вовсе не поддаётся описанию. Однажды они уже видели нечто подобное – в далёком собственном времени, в Арвейских горах. Но тогда прекрасная дева оборачивалась гадким чудовищем из числа дурных мертвецов. Теперь наблю-

дался обратный процесс. Потрясённым взорам наблюдателей предстало одно из самых прелестных созданий, когда-либо посетивших этот мир.

Первой в ситуации сориентировалась Меридит.

– Чего уставились! Ну-ка, быстро отвернитесь! – рявкнула она тоном бывалого десятника. И заклеимила сурово и несправедливо. – Развратники!

Хельги счёл нужным оскорбиться.

– Чего ты обзываешься? Она только что жабой была! Мы просто не успели среагировать.

– Знаю я вас! – фыркнула диса, спешно прикрывая недавнюю жабу первыми попавшимися под руку тряпками. Потому что из одежды на новообращённой деве имелся один единственный обрывок старой жабьей кожи, прилипший под правой ключицей.

Средневековые кишит голыми дамами, сделал для себя приятный вывод Эдуард.

– Да-а! – восхитилась силфида, она, по своему женскому положению, отворачиваться не стала. – Вот это настоящая красавица, не придерёшься! – и подтолкнула Ильзу в бок. – Опять Хельги ревновать станешь?

Та задрала нос.

– Ну, вот ещё! Стану я его к старухе ревновать!

– Почему к старухе? – опешила Энка.

– А как же? – отвечала девушка. – Она тысячу лет назад родилась! Конечно, старуха!

Звали несчастную «старуху» Марта, дочь герцога РюВелота. А история её была проста, незатейлива и для средних веков совершенно обыденна. Просто бедняжка имела несчастье превзойти красотой саму королеву Мэб. Та не стерпела подобной дерзости, и пустила в ход соответствующее случаю проклятие, такое древнее, что имя его автора было утрачено для науки уже в средние века, зато принцип действия известен даже школяру. Жертва превращается в жабу, лягушку или иную гадину, и влачит жалкое существование до тех пор, покуда не будет поцелована (именно так гласили древние манускрипты – «будет поцелована») особой противоположного пола, причём непременно королевской крови.

Несколько лет скакала Марта по окрестным лесам без всякой надежды на спасение. Откуда в здешних глухих и нищих местах было взяться особе королевской крови? Но, видно, сами Силы Судьбы слышали её мольбы и, сжалившись, ниспослали удачу в лице сразу двух принцев на выбор. (Тут Марта покосилась на смущённого Рагнара и укоризненно вздохнула.)

– Это что же получается? – возмутился Орвуд после некоторого раздумья. – Неужели Силы Судьбы затащили нас в Средневековье только затем, чтобы мы занимались целованием жаб? Других принцев у них не нашлось?

Аолена его предположение позабавило. Нет, решил он. Либо Силы Судьбы забросили их сюда с другой целью, а спасение Марты организовали попутно. Либо они, Силы, вообще не имеют отношения к перемещению, а принцами решили воспользоваться, раз уж они всё равно тут оказались. Так рассуждал эльф, но какая из двух версий соответствовала истине, оставалось только гадать и уповать на то, что «время покажет».

По крайней мере, теперь у них появилась цель. Марту требовалось препроводить на родину, в герцогство Велот. Не бросать же юную беззащитную девушку, полуголую и безоружную, одну в глухом и диком краю! К тому же, она ни малейшего представления не имела, где именно, в каком направлении расположен её родной замок. Будучи жабой, она совершенно утратила ориентацию в пространстве. Единственное, что могла сообщить полезного – надо идти к побережью Океана.

– Ничего, утешила Энка. – Замок не иголка, разыщем как-нибудь. Ты мне другое скажи. Когда была жабой, ты ведь насекомыми питалась, правда? Мух ела?

Марта молча кивнула.

– А ты их от безысходности ела, или они вкусными казались, вот что меня интересует.

Щёки девушки окрасил нежный румянец стыда. Она опустила глаза и призналась шёпотом.

– Уж так вкусны казались! Будто праздничные лакомства!

– Что ж, это утешительно, – изрекла сильфида непонятно к чему.

Глаза Меридит злорадно сверкнули.

– Что, боишься, и тебя в жабу превратят? Не беспокойся! С твоими внешними данными, подобная опасность совершенно не грозит!

– Сама дура! Щас я тебя бревном тресну! – обещала сильфида, поднимая с земли корягу поувесистее.

Марта побледнела и попятилась. Ильза сочла своим долгом вмешаться.

– Хватит уже! Вы её, бедную пугаете. Она же к вам ещё не привыкла!

Орвуд и Хельги дружно прыснули. Ильза иногда без всякой задней мысли выдавала такое, что нарочно захочешь гадость сказать – так складно не придумаешь.

Наверное, королева Мэб специально подбирала место ссылки для неугодной красавицы. Глуше не придумаешь! За семь дней пути встретилось всего три человеческих поселения, одно беднее другого.

О Велоте там даже не слышали, а появление пришельцев неизменно повергало население в панику. Особый ужас вызывали нелюди, с ними местные и вовсе не могли говорить, язык прилипал к гортани от трепета.

– Почему нас так боятся? – спрашивал Орвуд у Марты.

– Оне мыслят, вы подданные Мэб, – пояснила юная принцесса. – От подданных Мэб народу нашему не приходится ждать добра. Встреча с оными при свете дня, в ночи ли – дурной знак.

Вот и всё, что она могла рассказать по этому поводу. Она вообще мало говорила, чаще лишь опускала глазки и смущённо хихикала. Не потому, что была такой уж скромницей. Бедняжке просто не хватало слов и умения с ними обращаться. Она напоминала Ильзу в первые дни встречи её с компанией спасителей мира. Но если дремучее невежество пленницы фьордингов было вызвано исключительно пороками воспитания и недостатком образования, то средневековая красавица была просто глупа от природы. Видимо боги, награждая деву невиданной красотой, решили, что одного дара будет достаточно.

К середине третьей недели бесплодных поисков в душу Хельги закрались дурные подозрения – уж не на проклятую ли дорогу они угодили? В их собственном времени пеший переход от Эрринора до Дрейда занимал не более десяти-двенадцати дней. Путникам уже давно полагалось бы выйти к побережью. Но лес вокруг не становился реже, морем даже не пахло. Так может, нет вокруг никакого средневековья, нет Эрринора, Дрейда и Океана? Может, это совсем другой мир, в котором нет ничего кроме бескрайнего леса и гадкой пыльной дороги, которая вообще никуда не ведёт?

– Во всяком случае, здесь есть ещё и герцогство Велот, – напомнила Меридит. – Марта оттуда родом.

– Это она так говорит. А сама лишь фантом, часть проклятия, и существует лишь затем, чтобы морочить напрасными надеждами головы горемычных странников.

– Чем выдумывать иные миры, не вернее ли было бы представить, что нас переместило не только во времени, но и в пространстве? Зачем сразу предполагать худшее? – Аолен не склонен был предаваться пессимизму, и оказался прав.

К вечеру лес расступился и открылся чудесный вид на закат. Дорога, вышедшая, наконец, к Океану, казалось, не обрывается линией прибоя, а продолжается дальше, вплоть до самого горизонта, розовая и зыбкая. Шагни на неё, пройди по ней, и попадёшь в тот чудесный далёкий край, где вырастают из моря облачные замки Фата-Морганы...

...Другой замок, хотелось бы верить, что Дрейд, обнаружился шагах в пятистах к северу. Воодушевлённые путники устремились к нему, но замерли как по команде. Огромные траурно-чёрные полотнища, все в неопрятных белых потёках птичьего помёта, свисали с городских стен до самой земли. Чёрные флаги трепетали на башнях и шпилях. Любому существу Староземья и окрестностей, в каком бы времени ни довелось им жить, был хорошо известен этот зловещий знак. Город закрыт. В городе большой мор.

– Чума, не иначе, – решил Хельги. – А может, и холера.

– Холера не может, – поправил эльф. – В средние века холеры в Староземье не было. Её привёз Карол-Освободитель из южных походов.

– Какая разница! – отмахнулся демон, слегка раздосадованный дотошностью Аолена. – Главное, в город нам дороги нет. И что делать дальше, неизвестно.

– Почему неизвестно? – не понял Рагнар. – Надо искать другой город. Вдоль побережья полно герцогств. Наверняка хотя бы половина из них уже существовала в средние века.

– Мы должны найти Велот, – растолковала Меридит, они с братом по оружию мыслили на удивление синхронно. – Откуда нам знать, на север или на юг двигаться, чтобы потом не пришлось возвращаться?

Рагнар даже удивился её недогадливости.

– А Силы Судьбы на что? Жребий бросим и пойдём в своё удовольствие.

– Ты уверен, что они захотят открыть истину? – усомнился Орвуд, чьи отношения с упомянутыми Силами были, как известно, далеко не безоблачными.

Но наследник престола Оттонского сделался с некоторых пор убеждённым фаталистом.

– Если Силы Судьбы намерены допустить нас в Велот, то помогут. Если нет, мы всё равно туда не попадём, даже если будем точно знать дорогу. А потому жребий – самый верный способ.

За неимением лучшего, приняли план Рагнара. Бросили жребий и поспешили на юг, подальше от охваченного бедой города.

– А лучше бы на Север, – сетовал Хельги. – Вдруг добрались бы до Замёрзшего Архипелага? Он в средние века ещё не замёрз. Побывал бы на исторической родине. Интересно!

Сильфиде любые патриотические проявления были совершенно чужды.

– Чего в этом интересного? По слухам, ваш Архипелаг был совершенной дырой.

– Нет, – возражал Хельги мечтательно. – Моя природная мать говорила, что там была совсем другая жизнь, не то, что на материке. Гораздо лучше.

– Чем именно лучше? – скептически уточнила девица.

Этого Хельги не знал. И мать его не знала. И даже бабка его имела представление о жизни на островах лишь по смутным детским воспоминаниям и рассказам старших. Но все сприганы, чей возраст перевалил за два столетия, кто знал мир до прихода больших льдов, считали потерю родины худшим из несчастий, которые только могут постигнуть живое существо.

Хельги давно утратил связь со своим народом, жизненные ценности сприганов для него почти ничего не значили. Но мысли о Замёрзшем Архипелаге почему-то продолжали волновать, затрагивали какие-то струны в глубинах подсознания. Иногда ему снились сны. В них были плоские зелёные равнины с огромными серыми кольцами дольменов, озёра, то ледяные, кристально-прозрачные, то тёплые, клубящиеся паром. Огненные трещины рассекали земную твердь будто молнии – ночное небо. Фонтаны горячей воды били высоко в небо, и в брызгах их рождалась радуга. Не иначе, сама память предков оживала в этих удивительных снах... Нет, он ОБЯЗАТЕЛЬНО должен побывать на островах!

– Ладно, – обещала сестра по оружию. Будет время – доберёмся и до твоего Архипелага. Но сперва надо решить с Мартой. Таскать её за собой по островам – это, согласись, неразумно.

И Хельги, скрепя сердце, согласился. Ходок из бывшей жабы вышел никудышный. Дева быстро устала и принималась молча обливаться слезами. Приходилось объявлять привал, куча времени пропадала впустую.

Июль близился к концу. Среди яркой, сочной зелени редко-редко, но мелькал уже жёлтый лист – первое напоминание о том, что лето быстротечно. Наступала последняя его треть. А там и сентябрь не за горами. Начало учебного года... Трое магистров молча, не делаясь опасениями друг с другом, – чтобы не накаркать! – гнали от себя нехорошие мысли. Что-то будет? Успеют ли вернуться? Если нет, об Университете, пожалуй, можно забыть. В третий раз ни за какую мзду не восстановят!

Но в остальном их средневековая жизнь казалась вполне приемлемой. Идти вдоль побережья было куда приятнее, чем по тракту. В любой момент можно было освежиться в прохладных водах Океана. И с едой проблем больше не возникало, местные рыбаки охотно делились с путниками добычей. За соответствующее вознаграждение, разумеется.

Орвуд, правда, очень негодовал. Безумие, утверждал он, расплачиваться золотом за простую рыбу. Два принца – именно их, чтобы не пугать народ, отправили за провизией, – виновато вздыхали и оправдывались. Что оставалось делать, если медных монет местной чеканки у них не имелось, а золото рыбаки брали без возражений? Гнома коммерческая несостоятельность спутников взбесила окончательно.

– Ослы сехальские! Нет бы взять несколько золотых монет, разменять на здешние медяки и уже ими расплачиваться! Неужели трудно сообразить?

– Ну, извини! – развёл руками наследник престола Оттонского, не приученный считать ни медяки, ни золото. – Мы, знаешь ли, воины, а не торговцы! В денежных делах не разбираемся.

– Не разбираетесь, так спросите у того, кто умнее! Отдать золотой за пару паршивых палтусов – это умудриться нужно! Целую лодку можно купить, со снастью в придачу!.. – он никак не мог успокоиться, шёл и сердито бубнил себе под нос, пока Эдуард его не отвлек.

– Смотрите, кто-то идёт! Может, у него деньги есть? Сейчас поменяем! Не ворчи!

– Не идёт, а стоит на месте и не шелохнётся, – возразил зоркий эльф. – Странный какой-то!

Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что в полной неподвижности встречного нет ничего странного. Просто это было не живое существо, а каменное изваяние, причём совершенно потрясающей работы. Статуя изображала молодого парня в рыбацкой одежде. Поза его была удивительно естественной: чуть подавшийся вперёд корпус, лёгкий поворот головы... Казалось, кто-то окликнул идущего, тот хотел обернуться, но не успел, застыл, запечатлённый в камне. А как тонко были проработаны детали! Каждая складочка на одежде, каждый волосок на голове. И то, что натура не брилась дня три, и что правый глаз у неё косит, веко опущено, а над бровью сидит малоэстетичный волдырь – даже такие мелочи подметил неизвестный ваятель.

– Какая великолепная работа... – начал было восхищаться Аолен, настолько потрясённый совершенством, что даже не задался вопросом, что, собственно, делает прекрасная статуя, одна-единёшенька, посреди пустынного до безжизненности берега?

– Какая там работа! – перебил Хельги таким голосом, что эльф невольно обернулся и с удивлением обнаружил: на лицах его спутников застыло то же выражение неземного ужаса, что и на каменном челе изваяния. Да и цветом они стали под стать.

– Что с вами? – всполошился эльф.

И друг понял то, что было очевидно для остальных. Будто прояснилось что-то в голове. Прекрасная статуя не была творением рук мастера. Это человек ОКАМЕНЕЛ.

– Он давно тут стоит, да? Лет сто, или целый год? – сдавленно прошептала Ильза, судорожно цепляясь за рукав Хельги.

Диса мрачно усмехнулась.

– Нет. Посмотрите на его руку.

Левую руку несчастного слегка прикрывала складка плаща, потому они не сразу заметили. В каменных пальцах была плотно зажата мелкая рыбёшка. Не каменная – из плоти и крови. Свежая, даже не подпорченная.

Стало совсем страшно.

– За что его так? – подавляя дрожь, выговорил Эдуард.

– Скорее всего, ни за что, – предположил магистр Ингрем. – Просто бывают твари, которые взглядом обращают смертных в камень.

– Ой! Никогда про таких не слышал!

– А их у нас мало осталось, – объяснил Хельги с грустью, непонятно к чему относившейся: к горькой ли участи чудовищ, к собственной ли злосчастной судьбе. – Разве что горгоны на некоторых южных островах уцелели. На них охотятся со щитом. Смотрят в щит, как в зеркало, подбираются вплотную к спящим и рубят башку.

При этих словах и сам рассказчик, и другие наёмники невольно посмотрели на собственные щиты. Увы! Даже у Меридит, всегда содержавшей в порядке своё военное снаряжение, щит был далёк от совершенства. Об остальных и говорить не приходится.

– Безобразие какое! – принялась упрекать демона сильфида. Его щит, самый помятый и царапанный из всех, в самом деле, не выдерживал никакой критики. – Сотнику стыдно такой иметь! Хоть изредка шлифовал бы!

– Удар держит, и ладно! Мне с ним на балы не ходить, – огрызнулся сотник.

– Причём тут балы, когда о горгонах речь идёт!

– Всего не предусмотреть. И твой щит, кстати, ненамного лучше.

– На моём просто следы боевых ударов. А на твоём не то мясо рубили, не то гвозди выпрямляли.

На это замечание прозорливой девицы Хельги предпочёл скромненько промолчать. Ему и в самом деле иной раз случалось использовать доспех не по прямому назначению. А что? Удобный, всегда под рукой...

– Это злой зверь Базилика! – вдруг невпопад изрекла Марта.

– Чего? – удивилась Меридит.

– Василиск! – сообразил Хельги. – Силы Стихий! Угрозило же так вляпаться!

Объяснять, кто такой вилиск, ему не пришлось. Последнюю подобную тварь истребили лишь накануне Первой Мировой, из памяти народов Староземья образ кошмарных птицеголовых чудовищ не мог стереться так скоро.

Аолен удручённо поковырял пальцем каменную щёку несчастного.

– Никогда не думал, что предание о вилисках следует понимать столь буквально. Мне казалось, жертва должна просто впасть в оцепенение, а упоминание о камне – лишь художественное преувеличение. Поистине, мир ещё ужаснее, чем можно себе вообразить.

Орвуд скептически хрюкнул.

– На наших глазах он два раза едва не рухнул, а ты пришёл к сему печальному выводу лишь теперь? Поистине, эльфы – неисправимые оптимисты!

– А мой папа платит за убитого зверя базилиску золотом! – поведала Марта, снова неожиданно.

– Серьёзно?! – заметно оживился гном. – А как в ваших краях принято на них охотиться?

Этого нежная дева, разумеется, не знала. Зато Хельги знал. Так же как и на горгон, сказал он. С отполированными щитами или зеркалами. Только голову рубить не надо. Чудовищедохнет при виде собственного отражения.

– Вот что я вам скажу! – торжественно объявила дотолемолчавшая диса. – Ваши щиты безнадёжны, но мой не так уж плох. Если мы сядем и станем все вместе полировать его песоч-

ком, у нас появится шанс. И дело вовсе не в золоте, а в собственной безопасности. Эта тварь может напасть в любой момент...

... Никогда ещё, даже в самые первые дни своей службы, щит Меридит не выглядел столь лучезарно!

А самое обидное – все их усилия пропали даром! Василиск так и не объявился. Встретилось несколько опалённых пламенем прибрежных кустов, да каменная птица голубь попала под ноги Рагнару (он прибрал её в мешок на память о Средневековье). Этим приметы близкого присутствия огнедышащего чудовища исчерпывались.

Вместо него навстречу путникам из лесочка выехал, верхом на разукрашенной в пух и прах кобыле, настоящий средневековый рыцарь, шикарный до невозможности. Трудно сказать, кто из них выглядел более эффектно – лошадь, чью сбрую украшал изысканный орнамент, уздечка была увешана бронзовыми бубенцами, а с седла суть не до земли спускалась попона, расшитая охранными символами и изображениями всяческих чудовищ, или седок в великолепном боевом облачении. Под складками чёрно-алого, отороченного, не смотря на летнее время, мехом, плаща виднелась кольчуга, защищающая всё тело с ног до головы. Из мелких металлических колец были сделаны даже перчатки, да так искусно, что почти не стесняли движения. Островерхий шлем воина венчал целый фонтан ярчайших перьев птицы эрцинии, на поясе висел прямой двусторонний меч с богатой рукоятью. А плоский круглый щит сиял так, что щит Меридит мог соперничать с ним, как блёклая луна с самим солнцем.

Следом за всадником на хорошем сытом муле ехал оруженосец, тоже хороший и сытый. Одет он был куда скромнее хозяина, но всё равно, значительно богаче, чем, скажем, одевался Рагнар, собираясь на рыцарский турнир в родном Оттоне. Оруженосец вёз копьё, увенчанное флагом с двумя длинными острыми концами, они развевались и хлопали на ветру. Зрелище было столь внушительным, что компания замерла в немом восхищении – разве в собственном, прагматичном и утилитарном времени встретишь такую красоту?!

– Как его тепловой удар не хватит, во всей этой амуниции? – удивился Хельги.

Меридит в ответ только присвистнула.

И вот они поравнялись.

– Зверь Базилика где? – рявкнул красавец вместо приветствия.

Ох, неверный он выбрал тон! Командный голос действовал на воспитанника фьордингов как красная тряпка на быка.

– А мы его пасти не нанимались! – прошипел он весьма нелюбезно.

– Законы нашего графства не позволяют подлым наёмникам охотиться на благородную добычу! – отчеканил всадник, окидывая собеседников и особенно их гладкие (относительно гладкие), лишённые гербов щиты взором, полным презрения.

Обстановка накалилась ещё на градус: из душевного равновесия была выведена Энка.

– Та-ак! – тон сильфиды тоже не сулил ничего хорошего. – Вот с этого места ещё раз и помедленнее. Это кто здесь подлый?!

– Подожди! – вежливо отстранив девицу, выступил вперёд Рагнар. Он, как всегда, стремился избежать лишних конфликтов. Всё-таки свой брат, рыцарь. Хотелось обойтись без кровопролития.

– Почтеннейший, – заговорил он мягко, но с достоинством. – Заверяю вас, охота на василиска ни коим образом не входила в наши планы.

Рыцарь насмешливо скривился и, выпятив подбородок, кивнул на сияющий щит дисы.

– Неужто?! А ЭТО зачем?

Для самообороны, – ответила девица холодно. Ей было неприятно, что приходится вроде как оправдываться перед средневековым невежей. Но ради друга Рагнара она готова была потерпеть. В разумных пределах, разумеется.

– Лжешь! – заявил рыцарь. – Я не верю тебе. У наёмников нет господина, а значит, нет и чести. Слова продажных тварей ничего не значат.

Тут уж и дисьему долготерпению пришёл конец. Девушка фыркнула, вложив в этот звук всё презрение, на какое была способна.

– Ну конечно? Откуда взять честь, если некому зад целовать? – и обернулась, – Прости, Аолен.

Обычно она старалась не говорить при нём грубых слов, чтобы не смущать утончённую эльфийскую натуру. Но ситуация, согласитесь, требовала резкой реакции.

Красивое лицо рыцаря исказилось гримасой ярости.

– Я буду биться с вами! – объявил он громко.

– Со всеми сразу или по очереди? – весело уточнила Ильза, выглянув из-за широкой спины Рагнара. – Чур, я третья!

– С презренными наёмниками, равно как и с подданными Мэб, – тут рыцарь выразительно покосился на эльфа, – я не скрещу свой благородный меч. Ты! – он указал на Рагнара острием упомянутого оружия. – Ты станешь моим противником.

С этими словами вздорный рыцарь спешил, принял боевую стойку и опустил забрало шлема, нимало не смущённый тем фактом, что соперник его был лишён какого бы то ни было доспеха.

Страшноватая физиономия Оттонского воина просияла. Ему самому не терпелось помериться силами с одним из средневековых собратьев, чья доблесть вошла в легенды, воспитавшие многие последующие поколения гордого рыцарства.

Сражаться охотник на василисков умел виртуозно. Чувствовалось мастерство, годами оттачиваемое на поединках и турнирах – там, где сражаются красиво и честно, по всем правилам благородного воинского искусства. Рагнар же, не в упрек ему будь сказано, обладал несколько иными боевыми навыками. С тех пор, как границы Аль-Оркана стали неумолимо продвигаться на север, воинам стало не до красоты боевых действий – эффективность важнее. А потому, чтобы не ударить в грязь лицом и не выказаться неуклюжей деревенщиной с дубиной вместо меча, наследнику престола Оттонского пришлось оставить свои любимые приёмчики вроде неожиданных ударов плащом по башке или пинков под коленную чашечку, и копировать манеры противника. В результате поединок затянулся.

– Чего он возится с этим индюком? – начинала нервничать сильфида. – Да пристукни ты его, наконец!

– Подожди, не мешай, – остановила подругу дуса. – Не видишь, он хочет, чтобы красиво было!

Девушка фыркнула так громко и возмущённо, что мул оруженосца фыркнул в ответ.

– Вот ещё, эстет! У нас времени в обрез, а он выпендривается! Рагнар, демон тебя побери! Хватит выплясывать, ты не на балу. Вали его!

Тот нехотя послушался, и спустя минуту поле брани украсилось бесчувственным телом. Чего-чего, а глушить по темени оттонец умел в совершенстве.

– Добывать не будешь? – спросил Эдуард с разочарованием. Заносчивость встречного взбесила его до белого каления. Подлые наёмники, скажите пожалуйста! Знал бы он, с кем разговаривает! Два принца крови перед ним, с демоном-убийцей в придачу. Правда, пока ещё не родившиеся... Или всё-таки родившиеся? Ох, непросто жить в чужом времени!

Добывать поверженного врага Рагнар, по благородству натуры, не стал. Ограничился тем, что в качестве трофея забрал шлем с перьями – очень уж красив был! Оруженосец пытался возражать, но сильфида грозно шикнула на него, и толстячок отступил, спрятался за своего мула. Оставив бранный трофей на песочке, довольная собой и Рагнаром компания двинулась прежним маршрутом.

– Зачем тебе понадобился шлем? – поинтересовалась диса спустя несколько минут. – Неужели станешь носить? – по её представлению, хорошему воину не пристало походить на павлина.

– Насчёт носить – не знаю, не уверен, – признался Рагнар. – Просто перья понравились. Смотри, какие яркие! Они будут светиться в темноте. Конечно, если это настоящая эрциния, а не крашеный фазан. Хочешь, подарю?

– Нет, – отказалась диса. Но добавила. – Весь не надо. Выдерни одно перо. Вот это, с крапинками.

– Ой! А мне золотое, маленькое! – обрадовалась Ильза. – Я его на шнурочек привяжу и стану носить как амулет!

– Давай и мне, – решила сильфида. – Можно даже два. Да подлиннее. Ага, вот это, с завитком! И малиновое давай... нет, малиновое не надо, облезлое какое-то. Лучше тоже крапчатое, как у Меридит. И Марте одно дай, видишь, сама попросить стесняется.

В результате дележа, шлем утратил былое величие, но Рагнар не жалел. Ему было приятно порадовать боевых друзей. Девчонки есть девчонки, хоть и наёмницы, усмеялся он про себя. Их, девчонок, хлебом не корми, дай что-нибудь поярче на себя нацепить. Впрочем, Хельги, хоть и не был девчонкой, но перо тоже захотел. Из научного интереса. Эрциния – птица редкая, почти исчезнувшая в результате неумеренной охоты. Перья её стоят так дорого, что не каждый университет может позволить себе приобрести таковое для зоологической коллекции. Во всяком случае, в Уэллендорфе есть только одно, облезлое...

– Что?! – встрепенулся гном. – Так дорого стоят? Тогда давай и мне!

В конце концов, рыцарь просто разделил связку на всех поровну, а шлем пришёлся впору Эдуарду.

К слову, перья оказались самыми настоящими, принадлежали именно редкой птицы эрцинии. Об этом неопровержимо свидетельствовало интенсивное свечение, исходившее от них после захода солнца.

– Не хуже факела! – радовались люди, эльф и гном, помахивая своими перьями. – Теперь нам и ночь не страшна!

Трое кансалонских диверсантов их радость не разделяли. С их точки зрения, именно темнота была главным преимуществом ночного времени. Нырни в густой спасительный мрак, скройся в нём – никто не видит тебя, ты видишь всех. Чрезвычайно выгодная стратегическая позиция, глупо пренебрегать ею. Но некоторым, видите ли, подавай свет среди ночи!

А на Ильзу снизошло философское настроение. Она играла со своим золотым пёрышком – то прятала в ладонях, как в домике, и тогда пальцы просвечивали розовым изнутри, то поднимала его повыше, чтобы осветить как можно большее пространство, и рассуждала вслух.

– Надо же, какие интересные вещи водились в Средневековье! Как изменился мир с тех пор!

Хельги скептически рассмеялся.

– Действительно, какие глобальные изменения приключились! Птица эрциния перевелась, надо же!.. Вот если бы вы могли сравнить мир Макса в средние века и в наше время! Выглядит как два разных мира.

И он, в который раз уже, принялся рассказывать о ТЕХНИЧЕСКИХ чудесах, что творятся за огненной завесой границы миров. Ильза слушала с интересом, но ловила себя на мысли, что жить в тех краях ей совершенно не хотелось бы.

– А что, – спросила она с беспокойством, – наш мир потом тоже станет совсем другим?

Хельги собрался было ответить, что ни демона он не изменится, потому как магия – тормоз прогресса. Но вдруг вспомнил, как кувыркаются в воздухе, подброшенные ВЗРЫВОМ обломки злополучной Гиндакхагхи – Звезды Морей. И уверенно обещал.

– Обязательно изменится!

Ильза суксилась и спрятала перо за пазуху.

А на следующую ночь перья им были уже не нужны. Потому что ночевали они не на морском песочке, а в великолепном замке, в лучших гостевых покоях, накормленные так, что сил не оставалось даже дышать, и увешанные золотом с ног до головы. По словам герцога РюВелота, этим он мог выразить лишь малую толику своей благодарности за спасение любимой дочери.

Трудно описать словами ликование счастливого отца. Огромный, как медведь, дремуче-косматый и бородатый дядька рыдал как дитя, прижав к груди вновь обретенное чадо. Спасителям же он был готов отдать всё, что угодно, вкуче с упомянутым чадом и половиной герцогства в придачу. Аолену пришлось пустить в ход всё своё эльфийское красноречие, чтобы, не причинив обиды, втолковать герцогу, что заключение брачных союзов в их планы пока не входит. К счастью, графа отказ не особенно огорчил. В отличие от Марты. Юная дева горько вздыхала и бросала на Рагнара красноречиво-томные взгляды.

В замке гости освоились быстро. Радужный хозяин во многом напоминал Рагнарова отца – такой же шумный, веселый и простоватый. Вместе с тем, он производил впечатление человека практичного, здравомыслящего и, в отличие от своей безмозглой красавицы-дочери, казался вовсе не глупым. Он так располагал к себе, что пришельцы сочли возможным провести ему свою удивительную историю.

Герцог выслушал их внимательно, но не особенно удивился. Чего не бывает на белом свете, заметил он философски. И тут же принялся соображать и прикидывать, чем бы помочь своим новым друзьям. Были призваны колдуны, маги и учёные ведьмы со всего герцогства, всего набралось человек тридцать, не считая парочки нелюдей. Устроили совет. Но магическая общественность Велота заявила сразу: проблема сия им не по силам. А потому надлежит пришельцам направить стопы свои в королевство Ольдон, ибо там обитает величайший из Великих свободных (сиречь, неподвластных королеве Мэб) магов, господин Мерлин. И если даже он не сможет помочь, значит, не поможет никто из смертных.

– В Ольдон так в Ольдон! – весело согласилась Энка. – Пшли!

– Почто на ночь-то глядя? – спокойно возразил хозяин. – Ольдон, милостью богов, в Инферн не убежит. Утречком и пойдёте себе. А теперь ночуйте, не то огорчусь.

Определённо, он был толковым человеком, этот средневековый герцог, так думал Орвуд.

Весь вечер Ильза с Эдуардом рыскали по замку в поисках средневековых особенностей и отличий – и ничего особенного не находили. Ну, костюмы у придворных забавно-старомодные. Говорят чуть иначе, не всегда поймёшь. Еда попроще. Залы потемнее и погрязнее. Охранных амулетов всюду повешано раза в три больше, чем в современных жилищах. Это всё мелочи! А по большому счёту – никакого средневекового колорита! Обычный замок, примерно в таком, разве что побогаче, вырос и сам Эдуард. Фи, скучно!

И всё-таки отличия нашлись. Сами.

Оказывается, в герцогской резиденции не имелось клозетов, обычных для любого хорошего замка! Днём все, не исключая монаршую семью, бегали «до ветру». Причём «ветер» этот располагался там, где кто найдёт укромное местечко – выгребных ям тоже не наблюдалось. Зато ночью...

... Надо заметить, средневековые обитатели отличались изрядной простотой нравов. Гостей, всех вместе, без различия полов, разместили в роскошном помещении, которое по размеру соответствовало скорее тронному залу, нежели опочивальне. В центре него высилась кровать с балдахином, одна единственная и не особенно широкая. Поэтому прямо на каменном полу слуги разложили простые соломенные тюфяки вроде тех, что служили девицам и Хельги постелью в годы голодного студенчества. Зато уж застелили их такими восхитительными шёлковыми покрывалами, что только королям впору!

Помимо кровати, туалетного столика на гнутых ножках и импровизированных лежанок, в самом углу зала скромненько приютилась симпатичная гобеленовая ширма с натуралистическими изображениями единорогов и львов. Ильза из любопытства заглянула за неё и увидела нечто.

Восемь приземистых чаш стояло в ряд вдоль стены. О назначении их девушка догадалась сразу. Подобный сосуд имелся у её покойной тёти, и носил гордое название «ночная ваза». Но разве могло бесхитростное изделие лоттских гончаров сравниться со своими средневековыми собратьями?! Сама мысль использовать сии шедевры по их грубо-утилитарному назначению казалась кощунством!

Изящно расширяющиеся, с крышками в форме цветка лилии и затейливо изогнутыми ручками, они были выполнены из самого настоящего фарфора и украшены изысканно-нежной сехальской росписью – орхидеи, бабочки, диковинные птицы на розовом, голубом или светло-жёлтом фоне. Так выглядели вазы для дам. Сосуды кавалеров имели более строгие формы, были отлиты из серебра и украшены геральдическими символами...

... Рагнар, не отказавшийся за ужином от вина, посмотрел-посмотрел на всё это великолепие, крикнул с досады, и побрёл «до ветру».

Ночью замок казался мрачным и зловещим – тихие неприятные звуки наполняли его. Поскрипывания и перестуки, стоны и вздохи, отзвуки чьих-то лёгких шагов.

Но рыцаря всё это не тревожило, он знал: таково общее свойство всех замков. Даже у себя в Оттоне он, будучи ребёнком, не решался ночью шагнуть за порог собственной спальни – по коридору любила шастать покойная супруга его прапрадеда, дама вредная и обезглавленная. Но потом, с возрастом, привык. Так что средневековые привидения, тоже, кстати, обезглавленные, не могли вывести гостя из душевного равновесия, как ни старались. Отмахнувшись от них, как от назойливых мух, наследник престола Оттонского вышел во двор. Выбрал место поукромнее, спрятал в карман перо эрцинии... но приступить к делу не успел.

Странное существо явилось ему. Сперва рыцарю показалось, что это домовый гoblin. Но где вы видели домового гоблина с кожей светло-салатного цвета, матово светящейся во мраке? Ростом существо было невелико, пожалуй, пониже Орвуда, и вдвое уже в плечах. Но писклявый голосок его звучал уверенно и властно.

– Королева Мэб знает о вас! – объявило создание нараспев. – Королева Мэб гневается! Трепещите, презренные твари, вы прогневили Королеву!

Как известно, Рагнар был очень неконфликтным человеком. Окажись на его месте Хельги, Орвуд или, не дай бог, Энка – события наверняка развивались бы как-то иначе, и ночной посланник так легко не отделался бы. Но рыцарь не стал обижаться. Он сказал просто и миролюбиво:

– Слушай, парень, как ты думаешь, зачем я сюда пришёл? Мне, знаешь ли, нужно... гм... уединиться. Давай в другой раз поговорим, а?

С возмущённым возгласом незнакомец исчез в ночи, будто сквозь землю провалился. Рагнар же, воротившись с вынужденной прогулки, задрых богатырским сном и, что самое главное, совершенно позабыл о ночном происшествии.

Наутро всех разбудил грохот падающего тела. Это Хельги упал со столика на пол.

Три вещи на свете внушали панический страх подменному сыну ярла Гальфдана Злого: профессор прикладной и теоретической магии мэтр Перегрин, зачарованный Перевал в Безрудных горах и насекомое вида «клоп постельный».

Именно последними кишел замок Велот. Настоящим боевым строем атаковали клопы спящих, оставляя бурые пятна на чудесном сехальском шёлке. Хельги в ужасе вскочил. Там, где только что лежала его голова, осталось светлое пятно, вокруг шевелился рыхлый тёмный обод.

– Мамочки мои! – тихо взвизгнул демон-убийца. И попытался разбудить съедаемых заживо друзей.

– Отвяжись, – сонно буркнула сильфида. – Не упыри, до смерти не загрызут.

Остальные и вовсе не желали реагировать.

В полном отчаянии Хельги взгромоздился на шаткий столик, начертав предварительно несколько малоэффективных защитных кругов, и всю ночь осыпал кровососов страшными проклятиями, в напрасной надежде, что хоть одно сработает. Потом заснул и свалился.

– Вот и хорошо, – заключила Энка. – Всё равно пора вставать.

Первые робкие лучики солнца окрасили небосвод в нежно-розовые тона.

– Пора! – с небывалым для такого часа энтузиазмом поддержал Хельги, разминая затёкшие мышцы. – Пора отправляться в Ольдон! – и добавил в полголоса, – Подальше от этого клоповника!

Для дальнего путешествия герцог снабдил «дорогих друзей, благородных спасителей любимой дщери» картой. Карта оказалась очень красивой – с розой ветров, гиппогрифами и прочими атрибутами средневекового картографического искусства, – но бестолковой. К примеру, Сильфхейма на ней не было вовсе, Атаханская степь значилась большим белым пятном, а окрестности Тиора гордо именовались «Земля псиглавцев» хотя ничего подобного там отродясь не водилось. О том, что составители не имели ни малейшего представления о широте, долготе и масштабе, и говорить нечего. Расстояния измерялись в «днях пешего ходу» с оговоркой «ежели не приключилось вмешательства Великих мира сего» А оно, вмешательство это, наверняка приключилось, и не раз, ведь карта, по словам герцога, являлась «фамильной реликвией в третьем поколении».

И всё-таки, определённую пользу из неё можно было извлечь. Когда представляешь, какие именно населённые пункты должны встретиться на пути, легче узнавать дорогу. Где находится королевство Ольдон, жители глухих осёлков могут и не знать, зато путь до ближайшего города, лежащего в нужном направлении, укажут наверняка. Именно так наставлял Хельги бывшего ученика, пренебрежительно обозвавшего подарок герцога «дурацкими картинками».

Карта была не единственным подарком благодарного отца. Он предусмотрел всё необходимое для странствий по свету: запас провизии на двадцать дней, удобный складной шатёр на случай непогоды, несколько колчанов стрел на случай боевых действий, большой тюк с одеждой на случай, если не обернутся до холодов, а главное – лошадей, чтобы не пришлось тащить перечисленное имущество на себе.

Хельги пришлось проявить огромную выдержку и самообладание, чтобы не выказать свою ярость при герцоге, а наоборот, выглядеть благодарным. Но стоило им покинуть замок, и он обрушился на ближних своих похлеще Орвуда или склочной сильфиды.

Разве они маркитантки или кочевые цверги, чтобы таскать за собой целый воз пожитков?! Разве приличествует воину обрести добром, будто конвельскому ростовщику? Особенно злил демона складной шатёр. «Нам теперь, к нему в придачу, только шлёпанцев с помпонами не хватает, – бесился он. – Или ночной вазы в цветочек! Может, заведём, для пущего комфорта?» – видно, и на него замковые «удобства» произвели неизгладимое впечатление.

Самое интересное, что в мирной жизни подменный сын ярла вовсе не был воинствующим аскетом. И жильё, если позволяли средства, выбирал непременно с ванной, и спать предпочитал не на соломенном матрасе, а на шерстяном. И даже плед себе завёл – клетчатый, мохнатый, с бахромой, точно как у того самого конвельского ростовщика. Но если поход, считал он, то все достижения цивилизации по боку, имущество должно быть сведено к такому минимуму, что лишь бы выжить можно было. Сказывалось дурное воспитание фьордингов.

– Ни при чём тут воспитание! – раздражённо шипел демон. – Хорошему воину положено быть быстрым и мобильным, его не должно стеснять ненужное барахло! Не желаю таскать лишнее, вот и всё!

– Тащишь не ты, тащит лошадь, – невозмутимо отвечал гном. После посещения замка его настроение заметно улучшилось, можно сказать, воспрянул духом. В отличие от людей фьордов и их воспитанников, гномы ни при каких обстоятельствах не гнушаются материальными благами.

Против лошадей Хельги, вопреки общим ожиданиям, возражать не стал. Понимал: будь они даже самыми лучшими воинами на свете, лошадь всё равно быстрее. Пришлось ему смириться с конским присутствием, равно как и лошадям – с обществом демона-убийцы. Впрочем, животных-то пугала скорее не демоническая, а спригганская ипостась Хельги. Чували, чували волка, скрытого внутри иной сущности.

Ольдонский тракт если и отличался от того, что вывел компанию к охваченному гнилой горячкой Дрейду, то в худшую сторону. Зарядили дожди, то проливные, то уныло моросящие, легли долгие туманы. В результате то, что и в сухую погоду можно было назвать «дорогой» с большой долей условности, превратилось в совершенно непролазное месиво. Ильза даже не удивилась, когда прямо из-под копыт её гнедой кобылки выскочил и с возмущённым воплем ускакал в лес самый настоящий болотник!

Эдуард, не смотря на брызги грязи, запятнавшие его высочество чуть не до самого затылка, ехал гордый и довольный. Подумать только – самый лучший средневековый маг живёт не где-нибудь, а в его родном королевстве! Пустячок, а приятно!

Все прочие его радости не разделяли. Наоборот. Если современный Ольдон слыл на всём Староземье деспотизмом и жестокостью нравов правящих особ, что было ждать от Ольдона средневекового? Опасениями своими спутники с принцем не делились, чтобы не обижать. Поэтому он единственный был изрядно удивлён, когда обнаружилось, что никто не намерен открывать для них городские ворота. А нечего шлёться всяким-разным, на коих не написано, добропорядочные они твари, или, может быть, разбойники с большой дороги.

Насчёт разбойников городская стража тревожилась не напрасно. Окрестности были наводнены данной социальной категорией населения. Правда, за тот период, что затерянные во времени странники затратили на переезд от Эттеса до предместий Ольдона, общее поголовье работников ножа и топора их стараниями несколько сократилось, но стражники этого знать не могли. И пускать в город подозрительную компанию, не имеющую ни подорожных, ни иных грамот, подтверждающих её благонадёжность, отказались категорически. И даже на мзду не позарились, вот что удивительно!

– Не хотят – не надо, – решил Хельги. – Пойдём старым проверенным путём. Сквозь стену.

Так они и поступили. Бережливый Орвуд даже лошадь хотел таким манером с собой провести. Схватил под уздцы, потащил. Та упёрлась, и ни в какую.

– Ты что, угробить меня задумал? – рассердился урождённый спригган. – Куда скотину тащишь?! Оставь снаружи, тебе говорят! Я сейчас проход перекрою, еле держу уже! Думаешь, легко вас сквозь камень таскать?

– Уведут ведь! Как пить дать, уведут! – пояснил свои действия гном.

– Ну и демон с ними! – Хельги резко перекрыл стену, последняя пядь гномьей бороды оказалась намертво замурованной в сером камне. – Так тебе и надо! – он принялся столь демонстративно хлюпать кровью, сочившейся из носа, что Орвуд не рискнул роптать.

Мага, Великого Мерлина, они отыскивали быстро. Во всём королевстве не нашлось бы человека, нелюдя ли, кто не знал дороги к его жилищу.

Жил маг богато, на широкую ногу. Неприветливого вида башня, сложенная из плохо отёсанных валунов высилась с южного угла рыночной площади.

– О! Я её знаю! – обрадовался Эдуард. – Её при моём деде в водонапорную переделали. А раньше, выходит, маг жил! Здорово, да?!

Ему неуверенно поддакнули.

– Интересно, – задумалась Меридит, остановившись перед тёмной дубовой дверью на массивных накладных петлях, – Это тот самый Мерлин, что был учителем нашего Перегрин, или другой?

– Ой, ой! – Хельги попятился. Он и самого-то профессора боялся, чего уж говорить об его учителе. – Я вас, наверное, здесь подожду. Вы ступайте, разведайте, что и как...

– Не дури. Не на экзамен идёшь, – велела сильфида, взявшись за дверной молоток.

На стук её лениво выбрел опрятный и очень упитанный домовый гоблин в коричневом суконном жилете с отделкой из золотого сутаж. Важно осведомился, кто такие, и удалился с докладом. Отсутствовал достаточно долго для того, чтобы Энка успела разозлиться и начала делать нелестные сравнения в его адрес. Хотела вновь пустить в ход молоток, чтобы «расшевелить неповоротливого борова», но тот явился сам. Царственным жестом распахнул дверь, пропуская визитёров в башню.

Видно, в средние века Великие маги были в большой цене. Внутренне убранство жилища однозначно свидетельствовало о высоком социальном положении своего хозяина.

Роскошная лестница резного дуба вела на верхние этажи. Вдоль неё по стенам висели парадные гобелены с натуралистичными изображениями диковинных магических тварей, разного рода чудовищ, а также прелестных дев. Бронзовые подвесные светильники и высокие канделябры освещали средневековый интерьер так ярко, как не в каждом современном доме. А у входа в лабораторию стоял василиск, не то чучело, не то муляж в натуральную величину.

Заслуживала внимания и сама лаборатория. Огромное, во весь этаж помещение с высокими потолками и узкими стрельчатыми окнами, похожими на бойницы, по размеру превосходило университетскую лабораторию Перегрин раз в полтора, да и обставлено было не в пример богаче. Собственно, лишь половина его использовалась в научных целях. В ней размещались стеллажи с разного рода реактивами в красивых тёмных флаконах, с колбами, ретортами и прочей магической утварью. На длинном, во всю стену столе с гранитной столешницей громоздился перегонный куб, наполненный фосфоресцирующей в полумраке жидкостью – видимо, хозяин не пренебрегал алхимией. Имелся здесь и кованный сундук, весь испещрённый охранными символами, сунься в такой без спросу – мокрого места не останется. На гладких плитах пола несмывающейся краской была начертана большая пентаграмма. Хельги покосился на неё с неудовольствием, не любил он такие вещи! У стены слева стояла на гнутых когтистых ножках чугунная жаровня с вытяжкой, в ней, не смотря на летний зной, слабо тлели угли.

Вторая половина зала служила одновременно библиотекой и кабинетом для приёмов. Пол здесь был устлан великолепным сехальским ковром, тёмным, с мелким геометрическим орнаментом. Посредине стоял овальный дубовый стол в окружении резных стульев с очень высокими спинками. На книжных полках поблёскивали не выцветшим ещё золотым тиснением те самые магические фолианты, что спустя много-много лет, назовут «средневековыми». Но были здесь и совсем древние рукописи, явно не принадлежавшие молодому человеческому роду, и даже стопки каких-то глиняных табличек. А у стены справа возвышался камин, в нем, слава богам, ничего не тлело, и топка была загорожена низкой сехальской ширмой с драконом.

Сюда-то, в лабораторию, гоблин гостей и препроводил.

Мерлин, встретивший их на пороге, выглядел, традиционно-колоритно. Не молодой, не старый – возраст Великих магов всегда трудно определить на глаз. Высокий, узколицый, с седоватой клиновидной бородой почти до пояса. Одет в мантию и остроконечный колпак наподобие тех, что любят носить звездочёты и астрологи, но другой расцветки: золотые магические

символы по чёрному бархатному фону. Эдуард был очень доволен. Именно так, по его мнению, и подобало выглядеть настоящему чародею. Это вам не Балдур Эрринорский какой-нибудь, которого встретишь на улице, так в жизни не догадаешься, колдун это, или простой горожанин. Определённо, за столетия нравы представителей магических профессий изменились не в лучшую сторону! Совершенно перестали заботиться о внешности и, в результате, утратили часть бывшего авторитета, – так рассуждал про себя принц.

Приём им был оказан весьма любезный. И обедом, дичью на вертеле, накормили, и отдохнуть с дальней дороги предложили. Но у Хельги сложилось неприятное впечатление, что визит их не стал для хозяина неожиданностью. Хорошо, если мага просто предупредили велотские коллеги по цеху. А если их вновь угораздило вляпаться в историю с пророчествами и предсказаниями?! Что-то уж слишком расстарался Мерлин ради незваных гостей.

– Мне думается, – тихо возразил ему Аолен, – Мерлин, будучи Великим магом, узрел твою демоническую сущность, в том причина его угодливости.

– Конечно, – громко уточнила сильфида, – какой дурак станет обострять отношения с демоном-убийцей?

– Почему бы не предположить, что он просто человек хороший? – грустно спросил Рагнар.

Орвуд хотел ответить ядовито, но в этот момент хозяин, отлучавшийся в виварий, вернулся, и пришлось гному оставить свой скепсис при себе.

После трапезы маг предложил «почтенным пришельцам» поведать, «что привело их в сию скромную обитель». Роль рассказчика взяла на себя Меридит. Она лучше всех управлялась со старинной манерой речи. Остальные понимать-то понимали, но сами изъяснялись неуверенно. К разговору девица приступила с некоторым опасением, боялась, не сочтут ли их сумасшедшими. Но Мерлин историю с перемещением во времени воспринял как совершенно обыденную. Лишь два момента удивили его. Во-первых, то, как мягко обошёлся сосуд Ахх-Ша с нарушителями своего спокойствия. А во-вторых...

Долго, долго пришлось втолковывать средневековому магу, что даже от самых грозных и могучих демонов иногда бывает крайне мало практической пользы.

Сперва маг попытался решить задачу, что называется, навскидку – вызвал демона-проводника. Есть, оказывается такие твари, что бродят между мирами и временами, и служат тем, кто сумеет их подчинить. Некто серый, жирный и вообще, малоэстетичный, возник в центре пентаграммы, весь в клубах малинового дыма. «Вот это демон! – с завистью подумал Хельги, – Не то что я!»

– Ответствуй, исчадие сфер иных, – воззвал Мерлин, – Способно ль ты препроводить сих почтенных отроков в те времена, откуда оные родом?

Демон окинул клиентов осоловело-сонным взглядом заплывших жиром глазок и недовольно заворочался.

– Этих, что ль? – речь демона была малограмотной, но вполне современной. – Не, этих не стану.

Я вон того, светленького, боюсь. Сожрёт он меня, пожалуй что, – он кивнул на Хельги.

Тот от неожиданности даже поперхнулся.

– Совсем псих, что ли? Да я с голоду помирать буду, мне и то в голову не придёт тебя жрать! Тьфу, пакость какая!

– Да-а, – загнул демон, – Все вы, убивцы, так говорите! А Ирракшану-то кто съел? Тот! Съел, не побрезговал! Подчистую подмёл, ни одной ниточки на раззавод от болезной не оставил. Голодный, видать, прожорливый. Я такому на один зуб... – он всхлипнул, складки жира на его туше мелко затряслись.

Хельги побледнел, изменился в лице.

– Уберите его, меня сейчас стошнит!

В общем, как ни убеждал Мерлин проводника, тот оставался непреклонен. Ни угрозы, ни обещания отпустить на свободу не помогли. Демон окончательно впал в истерику, принялся заламывать пухлые ручки и рыдать. Крупные слёзы его, падая на пол, оставляли дымящиеся закопченные следы.

Маг потерял терпение и отослал его прочь.

Хельги совсем расстроился.

– Это я виноват, что мы не можем вернуться. Кто бы мог подумать, что у меня такая ужасная репутация в обществе демонов! Из-за меня мы застряли тут навсегда!

Но Мерлин не выглядел обескураженным неудачей и авторитетно заявил: где есть один путь, наверняка отыщется и другой. Поиском такового он прямо сейчас и займётся – изучит старинные книги, призовет светлых и тёмных духов, то или иное подскажет ему ответ. А почтенных гостей гоблин покуда проводит в опочивальню (чтобы не путались под ногами, так рассудила Энка).

Почивать среди бела дня почтенным гостям решительно не хотелось. Лучше они по городу побродят, предложил Рагнар. После дичи рыцарю требовалось хорошенько промочить горло, но к столу было подано лишь лёгкое кислое вино, пригодное разве что для девы корриган, а уж никак не для настоящего воина.

О нет! Бродить по городу маг им настоятельно не рекомендовал бы! Ольдон – не то место, где чужеземцам дозволено свободно разгуливать по улицам. Чудо ещё, что им удалось беспрепятственно достичь башни, и патруль не задержал их по дороге.

– Разве у вас война? – удивилась Меридит. – А на подступах вроде бы всё спокойно, если не считать разбойников.

Но нет, как раз теперь войны в королевстве не было, причём уже почти два года – рекордный срок!

– Тогда зачем на улицах патрули среди бела дня?

Оказалось, порядок здесь такой. В Ольдоне всегда ценили порядок.

– А какой сейчас век? Кто правит? – насторожился Эдуард.

И ужаснулся, услышав ответ. Потому что не было в истории северного королевства правителя более жестокого и кошмарного, чем его предок по отцовской линии, король Филипп Второй, прозванный в народе Кровопивцем. Причём прозвище это вовсе не являлось иносказательным.

– Ну что, мы идём или нет? – спросила Энка от дверей, ей тоже никогда не сиделось на месте.

– Нет! – заорал принц в голос. – Даже не думай! Останемся тут, и будем сидеть тихо-тихо!

Странно, но все послушались.

Сидели день, сидели ночь. И только ближе к полудню утомлённый, с глазами, покрасневшими от долгой работы, но вполне довольный собой Мерлин вновь собрал пришельцев в лаборатории. Вещал он долго и торжественно. Речь магов во все времена отличается витиеватостью, а уж средневековые и вовсе не знали себе равных в умении даже самую простую мысль облечь в невероятно замысловатые формы. Так что если бы Меридит не подталкивала Ильзу в бок, та непременно задремала бы, отчаявшись хоть что-то понять.

Смысл же сказанного был таков. Всё, что происходит в этом мире, вершится по воле могущественных Сил Судьбы. И если угодно им было уберечь восьмерых юных легкомысленных созданий от верной гибели, что нёс в себе сосуд Ахх-Ша, то неспроста. Так рассудил он, Мерлин, принимаясь за научные изыскания. И оказался прав! В старинном свитке, принадлежавшем перу великого прорицателя Казарра, встретилось ему упоминание о Затерянных Спасителях.

Страшная беда будет грозить миру и приведёт на порог гибели. Но явятся из иных времён ОНИ и подвигами своими, а числом их восемь, отведут напасть.

– Итак, – подытожил Мерлин, – Не жертвы вы, но избранные герои, и надлежит вам не искать пути назад, но отдаться в руки судьбе и отважно ступить на стезю подвига, дабы с честью исполнить своё великое предназначение.

Наверное, маг ожидал, что необычные визитёры будут польщены выпавшей на их долю участью. Как же он заблуждался!

Орвуд был в ярости! Да что же это творится?! – роптал он, не опасаясь последствий. Демоновы Силы Судьбы совсем ошалели, не иначе! Уже сквозь столетия наладились их таскать! Неужели во всей истории Староземья никого другого не могли для подвигов подыскать?! Форменное издевательство! Эксплуатация! И что это за мир такой, что его без конца приходится спасать?! Кому нужна такая развалюха, гори он синим пламенем! Да если бы он знал, как дело обернётся! Пусть бы его, мир этот, рыбами выжгло! Пусть бы его Мангорриты к рукам прибрали! Пальцем бы не пошевелил!

– Точно! – поддакивала любительница народной мудрости. – Овчинка выделки не стоит!

– А знаете, что самое печальное? – очень спокойно сказал Хельги. – Не сказано, что будет ПОСЛЕ того, как мы свершим все подвиги! Мир-то спасётся, а нас вернут на место, или нет? И кстати, я не понял, это нас восемь, или подвигов восемь?

– Вряд ли мы успеем совершить восемь подвигов до конца вакаций, – вздохнула в ответ сестра по оружию. – С Уэллендорфом можно попрощаться.

Тут Ильза сочла нужным прослезиться. Не потому, что её печалила перспектива новых спасательных работ, просто из сочувствия к друзьям.

– Да ладно вам, – принялся убеждать благородный рыцарь. – Всё как-нибудь образуется. Не в первой нам мир спасать, справимся. И назад вернёмся, боги дадут. Тот жирный не захотел, другого демона поймает! Или ещё что-то подвернётся.

– А Университет? – напомнила Энка сердито. – Выгонят нас, пока будем демонов ловить.

– Отдадим им клад сидов, в конце концов! Неужели устоят?

– Я бы на их месте не устоял, – согласился Хельги. – Можно было бы новый застеклённый шкаф для образцов на кафедру заказать, в старом уже места нет. И ещё корабль для морских экспедиций построить. И реактивов в лаборатории вечно не хватает...

– Кто о чём, а орк о лопате, – прервала его монолог сильфида. – Всё, хватит расслаиваться, пора вершить подвиги. Прощайтесь с почтенным хозяином, и уходим!

Прощание вышло трогательным. Мерлин произнёс напутственную речь, столь патетичную, что Эдуард и впрямь ощутил себя великим героем, а Ильза опять ничего не поняла. Потом смахнул скупую слезу и вдруг попросил.

– О вы, явившиеся из грядущего, не ведомо ли вам, не откроете ли, когда суждено мне покинуть земные пределы и направить колесницу жизни моей в Чертог Праотцев?

– Чего? – переспросила Ильза – Куда вы хотите переехать?

– Умру я когда? – пояснил маг чуть снисходительно.

Трое магистров в смятении переглянулись. Мерлин, (тот, у кого учился профессор Перегрин), несомненно, был настолько выдающейся исторической личностью, что не знать его краткую биографию было просто стыдно, тем более выпускникам Университета. Увы.

– Мы не знаем! – осмелилась честно признаться Меридит. – Мы вообще того... не уверены, что вы уже умерли.

Вопреки её ожиданиям, Мерлин не обиделся, а напротив выглядел очень довольным. Так что Хельги решился задать магу встречный вопрос. Нет ли у него ученика, по имени Перегрин?

– Не знаю такого, а в чём суть? – спросил Мерлин.

– Это наш профессор. Он учился у вас. Позже, наверное.

– Вышел ли из одного достойный маг?

– Спрашиваете! – отвечал Хельги гордо. – Корифей! Титан мысли!

– Ну, что ж, – решил средневековый чародей. – Случись таковому пожаловать – непременно возьму в обучение.

Вот так и решилась судьба Огастеса Перегринна, сына благородной, но бедной эттесской вдовы, у которого без этой неожиданной протекции не имелось бы, пожалуй, ни единого шанса стать профессором магических наук. Но было это уже столетия спустя.

* * *

Коллегия магов собралась в Эрриноре в первых числах июля.

Заседание было не обычным, а расширенным. Помимо постоянных членов, присутствовали приглашённые, числом не менее трёх сотен. Здесь встретились младшие отпрыски правящих семей, практикующие светлые маги в ранге не ниже мастера, цвет староземского рыцарства, лучшие воины из числа людей, эльфов и прочих достойных народов. Не было среди собравшихся ни продажных наёмников, ни отпрысков проклятых народов с дурной магией в крови, ни персон, запятнавших себя чёрным колдовством. Только благородные, честные, бескорыстные и бесстрашные герои. Им, лучшим из лучших, обитатели Староземья и окрестностей должны были доверить важнейшее – судьбу самого Мира, вновь повернувшего на путь гибели.

Примерно в таком духе звучала речь нового председателя коллегии, Великого мага Эстебануса Эттелийского. О том, в чём конкретно заключается нависшая над миром угроза, не было сказано ни слова. Те, кому следовало, знали и так. Посвящать в тайну остальных, маги сочли лишним. Члены Коллегии ревностно оберегали свои секреты. Что поделаешь, слишком мало времени прошло с момента позорной отставки мэтра Франгарона, стиль руководства, выработанный за столетия, не мог измениться так быстро.

До широкой общественности довели следующее. Корень угрозы таится в глубоком прошлом. Нескольким Избранным, тем, на кого укажут Силы Судьбы, должно отправиться в минувшие времена и бескорыстными подвигами своими предотвратить беду. Но кто же, кто из собравшихся будет удостоен этой великой чести?

И вот он наступил, торжественный момент. Таинство Избрания.

Великий маг Эстебанус сделал шаг из-за кафедры, простёр руки к собравшимся. Целый сонм маленьких огненных шариков, красных, будто глаз дракона, слетел с его раскрытых ладоней. И замерли сердца сотен в трепетном ожидании. Зачарованно следили они за движением рубиновых искр.

Магические шары вели себя так, будто были наделены разумом. То ровно и плавно следовали над рядами, то вдруг приостанавливались над чьей-нибудь головой, спускались пониже, заглядывая в лица, затем вновь взмывали вверх. Не менее четверти часа длился их полёт. Наконец Силы Судьбы сделали свой выбор. Большинство искр угасло. Лишь единицы из них остались ярко сиять над головами тех, к именам, титулам и званиям которых с этого момента добавлялось ещё одно. Избранники Судьбы – так величали их теперь.

Избранников оказалось семеро. Сколь ни велико было разочарование тех, над чьими головами магические искры угасли, они должны были признать: лучшего выбора мудрые Силы Судьбы сделать не могли. Призваны достойнейшие. Маг Эстебанус громко и торжественно объявил их имена.

Три человека. Седрик из Дольна, второй сын короля, лучший мечник королевства. Альберт Стрелок, герой битвы при Корр-Танге. Полчаса, пока не подоспело подкрепление, он в одиночку удерживал оборону узкого горного перевала, выстоял против отборной сотни разъярённых орков.

Капитан Герад, отважный эттелийский корсар, это он в одном морском сражении пустил ко дну сразу три фьорингских драккара.

Два эльфа. Мэллорэ из лесного клана Роаннон, воин и поэт, искатель приключений. И юный целитель Леан, искусству которого могли позавидовать самые опытные и зрелые лекари.

Амазонка. Дева-воительница Эфиселия, силой и отвагой не уступающая лучшим воинам-мужчинам.

Лишь одно существо несколько выделялось на общем героическом фоне. Принадлежало оно к народу, давно вымершему и забытому. И таким было чахленьким и слабеньким, что поневоле закрадывалась мысль, уж не напутали ли чего Силы Судьбы? Разве по плечу такому подвиги и ратные свершения? Но со жребием не поспоришь.

Пятого июля состоялся переход. Коллегия не случайно собралась именно в Эрриноре. Перемещение во времени – труднейшая задача даже для Великих магов. Но есть на земле места, где истончается грань эпох и времён. Надо лишь уметь рассчитать нужный момент, когда грань эта становится настолько прозрачна, что не только демон, но даже простой смертный может её преодолеть.

Как ни пытались, Избранники не смогли точно уловить момент, когда ЭТО произошло. И всё-таки почувствовали – СВЕРШИЛОСЬ. Позади осталось их родное время, стало далёким будущим. С трепетом сделали они шаг в прошлое, превратившееся в настоящее. Шли, гордые и отважные, навстречу неизвестности, вдыхали жаркий воздух былого и мечтали о грядущих подвигах. Но того не знали они, что проходят тут НЕ ПЕРВЫЕ. С лёгким сердцем затаптывали свежие следы, не задумываясь о том, кому они могут принадлежать. И только злополучный Бандарох, отнюдь не разделяющий общего настроения и вяло ковыляющий позади, нагнулся и поднял с земли маленький клочок газетной бумаги с заляпанным жиром обрывком надписи: «...стник Букк...», ниже проглядывала дата. Повертел удивлённо, понюхал и снова бросил в пыль, ничего никому не сказав.

* * *

Средневековый Ольдон оказался одним из тех городов, куда можно войти, но весьма затруднительно выйти. Едва гости Мерлина миновали ближайший от его жилища поворот, как на них налетели стражники. Нарочно, что ли, караулили? Как ни пытались Меридит с Аолоном убедить представителей власти в мирных намерениях и благонадёжности их компании, вооружённого конфликта избежать не удалось. Стражники вознамерились непременно водворить всех в темницу до выяснения личности. На что Эдуард со знанием дела заявил «Из Ольдонских темниц в наше-то время выходят только ногами вперёд. Я уж молчу про средневековые.» Подобная перспектива никого не прельстила, пришлось пускать в ход оружие.

Впрочем, сначала друзья не особенно усердствовали. «Мы ведь должны подвиги совершить, а не изводить местное население» – так объяснил Рагнар своё поведение, когда гном сердито упрекнул его в излишне деликатном обхождении с нападавшими.

Минуя квартал за кварталом, отбиваясь от всё прибывающих стражников, продвигались они к выходу. Широкие (по средневековым меркам) центральные улицы сменились тёмными закоулками и подворотнями городских окраин. Нужно было родиться и вырасти здесь, чтобы уметь разобраться в их хитросплетении. В какой то момент будущие герои оказались зажатыми с двух сторон в узком проулке, вдобавок, с одной из крыш в них полетели стрелы. Тут уж было не до идей гуманизма, потребовалось применить весь свой боевой опыт, чтобы остаться на свободе.

Да, немало народу полегло в тот день на улицах Ольдона. И всё-таки силы были неравными. Стражники уже не сомневались в победе, вообразив, что противник загнан в тупик, прижат к стене, и деваться ему теперь некуда. Но именно в стену тот и канул, растворился в сером граните. Колдовство! Ринулись за подмогой, на место событий прибыли боевые маги. Но было уже поздно. Добыча ускользнула.

Беспрепятственно проскочив ещё квартал, друзья выбрались к городским укреплениям и поспешили покинуть неприветливое королевство. Пешком, разумеется. От лошадей, брошенных под стенами, остались одни воспоминания в виде подсохших кучек навоза и нечётких следов подков. Рагнар принялся бранить конокрадов в частности и средневековые нравы вообще. Орвуд на это усмехнулся и спросил, неужели тот столь наивен, что воображает, будто в их родном времени дело обстояло бы иначе? Всем известно, люди – самый нечистый на руку народ Староземья и окрестностей, такова их натура, её не могут изменить ни годы, ни столетия. Оскорблённый рыцарь принялся доказывать, что не самый. Торговые гоблины и сехальские шай-таны ещё хуже, утверждал он. Спор затянулся.

Аолену тем временем пришла в голову ужасная мысль. Находясь в прошлом, НЕЛЬЗЯ НИКОГО УБИВАТЬ, какая бы опасность им не грозила, понял он. Обрывая чью-то жизнь, они обрекают на небытие поколения его потомков. Не родятся те, кому должно, не совершат того, что было им суждено. Вся история может пойти иначе!

– Только подумайте, – убеждал он, – ведь так ненароком можно даже собственного предка убить! И что тогда?!

– Вот что я скажу, – заявил в ответ Хельги. – О таких тонкостях пускай Силы Судьбы заботятся. Сами нас в дело втравили, сами пусть и расхлёбывают. Знали, в конце концов, с кем связываются!

– Что значит «с кем связываются»?! – нашла повод для недовольства Энка. – Тебя послушать, так мы какие-то головорезы ненормальные, только и ищем, кого бы убить!

– Но ты ведь не будешь отрицать, что убиваем мы часто?

– По горькой необходимости.

– Почему-то необходимость эта у нас наступает раз в десять чаще, чем у всего остального населения!

– Такая, знать, у нас планида! – развела руками девица.

– Кто у нас? – испугалась Ильза.

– Планида, – пояснила Меридит. – Судьбу так называют. Планида, участь, доля, стезя... Ильза нахмурилась.

– Зачем нужно так много слов, если значат они одно и то же?

– Как зачем? Для выразительности, для красоты и разнообразия. Существуют разные стили речи. Можно сказать, например «жрать хочу», а можно «вождею вкусить яства...». Чувствуешь разницу?

– Угу, – кивнула боец Оллесдоттер. – Первый раз понятно, второй нет.

Меридит сердито фыркнула.

– Да ну тебя! Тьма сехальская! Неучем была, неучем и осталась.

– Ничего подобного! – обиделась девушка. – Я грамоту лучше Рагнара знаю, а он принц!

– Нашла эталон для сравнения, ничего не скажешь!

Слова «эталон» Ильза не знала, а потому, чтобы лишний раз не демонстрировать невежество, нашла разумным промолчать. Меридит тоже не стала развивать данную тему, имелись проблемы более насущные, чем недостатки образования отдельных участников событий.

Что делать дальше, встал вопрос. Куда идти, какие подвиги вершить?

Предложение Рагнара бесцельно «бродить туда-сюда, пока подвиг, по воле Судьбы, сам не подвернётся» никому не понравилось. Энка решила подойти к делу по научному. Нашла на дороге медный гвоздь и соорудила из маленькой дощечки, большой бусины и тонкой щепки прибор, который Ильза назвала «вопрошалкой». Неологизм заставил Меридит содрогнуться, но прижился. Работало устройство просто. Произносилась стандартная формула призыва Сил Судьбы, стрелка-щепочка раскручивалась на дощечке наподобие рулетки, острие указывало нужное направление. Три раза щёлкала девица по стрелке, и каждый раз выпадало идти на

северо-северо-восток. Хельги ликовал. Именно в этом направлении лежала родина его предков, которую, много столетий спустя, нарекут Замёрзшим Архипелагом.

Шесть дней занял переход от границ Ольдона до побережья. Местность вокруг была глухой, первозданно дикой. Шли по бездорожью, через сосновые чащи, буреломы и болота. Средневековые болота оказались весьма густонаселёнными. То тут, то там из трясины высывалась лысая голова болотника, таращились глупые жёлтые глазищи. Ильзу, обычно кроткую и неконфликтную, земноводные создания почему-то раздражали до крайности.

– Чего уставились? – бесилась девушка. – Щас как плюну промеж глаз!.. Чего тебе надо? – напустилась она на ближайшего.

– Милостыньку бы мне! – проквашал болотник, растягивая в умильной улыбке лягушачью пасть.

Ильза нашарила в кармане штанов мелкую разменную монетку трегератской чеканки, невесть с каких пор завалившуюся, швырнула, целясь в лоб: «На, подавись!» Промаяхнулась. Монета упала в топь. Довольный болотник нырнул за добычей и больше не показывался. Вместо него вынырнули несколько новых.

– Ты их не приваживай! – напустился на девушку гном. – На всех медяков не хватит! Вон их сколько, пучеглазых, и все денег хотят. Попросят-попросят, потом возьмут и кинутся.

Болотников было много, а человеческий посёлок встретился всего один, такой убогий, что даже собственного имени не имел. В нём Орвуд, не смотря на возражения спутников, очень выгодно выторговал большой кусок старой солонины. И правильно сделал. Кноттена, в котором путники рассчитывали пополнить запасы, на месте не оказалось. Пришлось потуже затянуть пояса. Опять стало скучно.

– Что за Средневековье такое? – жаловался Эдуард вслух. – Глушь и тоска. А в книгах про него чего только не понаписано! И герои, и колдуны, и чудовища всякие разные! И где они все? У нас и то веселее!

– Чудовищ нам не хватало, – одёрнул осторожный гном. – Сплюнь, накличешь!

– Ничего, – многообещающе усмехался Хельги. – Скоро начнутся земли фьордингов, там повеселишься.

Но «веселье» началось раньше. Не иначе, принц, в самом деле, накликал.

Они как раз вышли к восточным отрогам Безрудных гор и стали лагерем, когда ЭТО произошло.

Что-то неуловимо изменилось в природе. Потянуло холодным ветром, туча скрыла луну, стихли вечерние шорохи, и в наступившей тишине слышен стал неясный, быстро нарастающий гул. Нечто угрожающее, жуткое, но в то же время странно знакомое послышалось Эдуарду в этом звуке...

– Не может быть! – прошептал принц в ужасе. – Дикая Охота является существу только раз в жизни!

– Теперь не совсем наша жизнь, – рассудил Хельги, поудобнее устраиваясь в канаве вниз лицом – Значит, всё возможно. Пережили один раз, переживём и другой. Главное, не открывайте глаз. И знаете что, дайте-ка мне все ваши куртки, я на голову намотаю, чтоб не оглохнуть, – он был научен горьким опытом.

Предосторожности оказались напрасными. Охота прошла стороной. Но близко, очень близко. Отчётливо слышны были и ржание обезумевших коней, и воинственные вопли всадников, и бешеный лай своры разъярённых псов.

Поутру Ильза с Эдуардом пошли туда, откуда доносились зловещие звуки – посмотреть из любопытства. Назад прибежали бледные и взволнованные. На этот раз охотники настигли свою добычу. Семь тел лежало на развороченной поляне среди поломанных ветвей, осыпавшейся хвоей и сбитых на землю шишек. Четверо мужчин, одна женщина и один...

– А-а-а – заорал Хельги дурным голосом. Он только что извлёк из-под тяжёлой коряги тщедушное тельце одной из жертв ночного кошмара, перевернул лицом вверх, и вдруг отпрянул. В другом времени сказали бы «будто привидение увидел». Но Хельги относился к нежити вполне равнодушно, потому уместнее использовать фьордингское сравнение «как троллем из-за угла напуганный».

– Ты чего?! – подскочила к нему Меридит. – Что стряслось?!

– Вот! – Хельги дрожащим пальцем указал на свою находку. – Скажи честно, я спятил, да? Ты видишь то же, что и я?

– Н...не знаю! – заикаясь, пробормотала в ответ сестра по оружию. – Лично я в...вижу Бандароха Августуса собственной персоной!

– И здесь от окаянного спасения нет! – объявила подоспевшая на шум сильфида.

Состояние магистра демонологии было плачевным. Целую ночь пролежал он без сознания, оглушённый ударом. Впрочем, если бы не коряга, вовремя свалившаяся ему на голову, он был бы давно уже мёртв, как мертвы были пятеро его спутников.

Южане, они ничего не знали о Дикой Охоте. Как подобает истинным воинам, встретили опасность лицом к лицу. И застыли навеки с выражением безумного ужаса в широко распахнутых глазах. Тела их уже успели остыть. В волосах деловито копошились вездесущие муравьи, приоткрытый рот юного эльфа заплёл паутинкой маленький пёстрый паук. Такова оказалась их участь. Герои, так и не свершившие свой главный подвиг. Мелкая разменная монета в жестоких играх Судьбы.

Деву Эфиселию сначала тоже сочли погибшей. Острый сук глубоко вонзился ей в грудь, она лежала недвижимая и окровавленная. Но в тот момент, когда Энка склонилась над несчастной, позарившись на красивый аполидийский меч, из горла раненой вырвался жалобный стон.

– Живая! – констатировала сильфида без всякой радости, очень уж приглянулось ей чужое оружие. – Аолен, иди сюда.

– Рассказывай, – потребовал Хельги, как только решил, что Августус уже в достаточной мере оклемался. – Откуда ты взялся? Тебе было велено сидеть в Оттоне и поправлять здоровье, а не шастать по средним векам! Какого демона ты тут делаешь?!

– П...подвиги вершу, – бестолково пролепетал магистр и закатил глаза.

Но демон-убийца был безжалостен.

– Подробнее!

Рассказ контуженного демонолога вышел сбивчивым и невнятным. Слушателям пришлось приложить некоторые усилия, чтобы уловить суть. Заключалась она в следующем. До конца июня Бандарох, как и было предписано, отдыхал в замке родителей Рагнара, и время это мог с полным основанием считать счастливейшим во всей своей жизни. Время текло размеренно и незаметно, ничто не предвещало перемен. Как вдруг, двадцать пятого числа он получил магическое послание с приглашением незамедлительно явиться в Эрринор на заседание Верховной Коллегии. Августус помчался туда как на крыльях, вообразив, что за научные достижения в области демонологии, его решили посвятить в действительные члены организации. Каково же было его разочарование, когда выяснилось, что речь пойдёт совсем о другом, а именно, о спасении Мира. И каково же было потрясение, когда жребий избрал для путешествия во времени и прочих судьбоносных подвигов не кого ни будь, а именно его! Маленького, слабого, рождённого для умственных трудов, но уж никак не для героических деяний! (В этом месте повествования магистр пустил слезу от жалости к самому себе.) Потом был переход через грань времён, путешествие без определённой цели и плана в отвратительной компании грубых солдафонов и надменных эльфов, которым нет дела до чужих страданий...

Собственно, на этом конструктивная часть рассказа заканчивалась, и следовали красочные описания невзгод, постигших Августуса в пути.

– Я так понимаю, насчёт подвигов этим Избранникам было известно не больше нашего. Тоже наугад шли, – сделал вывод Рагнар. И обратился к Бандароху. – Что же, Великие маги не дали вам точных распоряжений? Инструкций каких ни будь?

– Нет, – покачал головой Бандарох. – Они сказали: «доверьтесь Судьбе»! Доверились! – он разразился противным истерическим смехом. Пришлось стукнуть, чтобы успокоился.

Как ни трудился Аолен, раненая дева пришла в себя лишь спустя двое суток. Демон и сильфида успели известись от безделья и нетерпения. Оба совершенно серьёзно уговаривали не терять времени даром и бросить больную на произвол судьбы. Выживет – её счастье, нет – значит, нет. Они с ней возиться не обязаны, есть дела поважнее. Три года назад Аолен пришёл бы в ужас и негодование от подобного предложения. Теперь же просто спокойно отвечал, что Силы Судьбы, наверное, неспроста послали им новых спутников, придётся потерпеть.

– Ну, пусть её Рагнар тащит, – решила испытать последний аргумент сильфида.

– Чем мучить, проще сразу добить, – возразил эльф. – Ей нужен покой.

– Интересно, кто она такая, – гадал рыцарь, вглядываясь в бескровное лицо незнакомки. – Вроде бы человек, а вроде бы и нет.

– Амазонка это, – откликнулась Энка мрачно. – Знаю я таких. Мы с ними однажды воевали, когда я ещё стрелком правого борта служила. На мель сели, а эти стервы налетели всей сворой. Ограбить хотели, что ли? Хотя, что с боевого корабля возмёшь? Еле продержались мы до прилива. Ногу мне ещё прострелило. Вот! – она задрала штанину, продемонстрировав желающим безобразный белый рубец.

– Силы Стихий! Какая небрежность! Кто же так закрывает раны?! – возмутился Аолен. Девушка усмехнулась.

– Дядька Гарсий, наш судовой лекарь. Как умел, так и залечил. На эттелийском флоте эльфы, знаешь ли, не служат, выбирать не приходится. Кто есть, тому и спасибо, – и напомнила злорадно. – Ты сам однажды у Хельги в ране кусок ножа забыл!

– И на старуху бывает проруха! Твоё любимое изречение! – парировал эльф.

Амазонка оказалась дамой с норовом. Трагическая и напрасная гибель спутников её не особенно огорчила. Зато известие о том, что на пути в Средневековье, их, законных Избранников Судьбы, опередила шайка самозванцев-наёмников, вознамерившихся украсть не им предназначенные подвиги, вызвало у девы благородное возмущение, которое она не сочла нужным скрывать.

В этой ситуации загадочно повела себя Энка. Аолен ожидал, что сильфида не останется в долгу, и ухватится если не за свой меч, то, по крайней мере, за космы нахалки. Но та лишь тихо чему-то посмеивалась себе под нос.

Ни малейшей благодарности к своим спасителям Эфиселия не испытывала и сразу заявила, что продолжать путь вместе с ними отказывается. Правда, намерения её изменились, как только она обнаружила, что уговаривать её никто не собирается. Так что к побережью вышли уже вдесятером. Всё это время южная воительница демонстративно держалась в стороне от новых спутников. Шла на несколько шагов впереди, хотя после ранения ей было нелегко выдерживать темп, питалась из собственных запасов, в беседы не вступала.

Августус, напротив, всячески старался продемонстрировать, что и от него может быть польза общему делу. Он почти не ныл, даже когда в очередной раз спотыкался и падал, добросовестно собирал хворост для костров и деликатно избегал разговоров о демонической природе Хельги.

Приключившейся переменой он был доволен. По принципу «из двух зол выбирают меньшее».

Необходимость участвовать во спасении мира его не радовала. Но лучше, рассуждал он, делать это вместе с теми, у кого уже есть опыт в мероприятиях подобного рода. Слишком романтично настроенной и недостаточно практичной показалась ему предыдущая компания. Чересчур много рассуждали о подвигах и героизме, о долге и предназначении, и слишком мало заботились о насущном. А с ним, Бандароком, обходились так, словно не понимали, что он – не из их числа и на великие свершения не способен. Больше всего тяготило именно то, что должно было льстить. Его держали за равного, и значит, нужно было соответствовать. А он знал, что не сможет. Не оправдает ничьих ожиданий, опозорится в первом же сражении, и, в лучшем случае будет постоянной обузой для своих героических соратников. А в худшем... Они ведь не догадываются, что его надо защищать, о нём надо заботиться, иначе он просто не выживет.

Зато старые знакомые не питают никаких иллюзий на его счёт. И если постараться не особенно им докучать, чтоб не бросили посреди дороги на произвол судьбы (с них станется!), перспективы его становятся менее удручающими. Главное, доказать что и он не безнадёжен. Пусть и не уродился богатырём, и по части магии не соперник демону-убийце, но есть одно неоспоримое достоинство, которого у него не занимать – интеллект! Это тоже кое-чего стоит...

– Знаете, – говорил Августус, желая выказать свою прозорливость, – А ведь я сразу догадался, я один догадался, что мы, Избранники, – не единственные, кто проник в прошлое из нашего времени!

– Вот как? – поинтересовался Аолен из вежливости. – Каким же образом?

– Я заметил ваш след! – воодушевился магистр. – Нашёл на дороге обрывок свежей буккенской газеты, в неё была завернута ваша еда...

– Стоп! – вдруг перебил Хельги, резко обернувшись. – Ты уверен, что это было УЖЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ?

– Уверен, – слегка удивлённо подтвердил Августус. – А что?

– А то! У нас не было с собой никаких газет, тем боле, буккенских. Мы не стали бы заворачивать в них еду. Типографская краска содержит много свинца, а он ядовитый. Аолен ругается... Скажи, Аолен?

Изменившийся в лице эльф согласно кивал.

– Ты хочешь сказать...? – начала сильфида.

– ...Что кроме покойных Избранников и нас, сюда забрёл кто-то ещё, – завершила мысль Меридит. – Если только Бандарок не напутал со временем.

Как отнестись к этому выводу, радоваться, тревожиться или просто не придавать значения, никто пока не знал. А очень скоро и вовсе забыли, поглощённые более насущными проблемами.

Это была их первая ночь на берегу. Чудесная тёплая ночь. По тёмно-синему августовскому небу рассыпались белые точки первых звёзд – долго, целое лето не могли видеть их обитатели здешних мест. Тихо шуршали волны прибоя, глухо постукивали о прибрежные валуны. С Океана тянуло лёгким солёным ветерком, не способным развеять густой запах перепревших водорослей, разлившийся в тёплом влажном воздухе. Поверхность воды чуть мерцала зеленоватым светом; от камешка, брошенного в воду Ильзой, разлетелись сияющие брызги. Не верилось, что находишься у самых ворот грозных Северных Земель, а не где ни будь на западном побережье благодатного Аполидия. Лишь чёрные пологие контуры Безрудных гор, встающие на востоке мрачными громадами, напоминали о суровой действительности. Но думать о ней не хотелось. Настроение сделалось легкомысленным и беспечным. Было так приятно растянуться подле костра на песочке, ещё хранившем дневное тепло, и не обращать внимания на упрёки демона-убийцы, утверждавшего, что «умные существа в здешних краях без укрытия не ночуют».

Хельги знал, что говорил.

Среди ночи Эдуарда вдруг разбудило странное ощущение. Он всем телом почувствовал слабые, но неприятные содрогания. Будто неподалёку кто-то вбивал в землю сваи. Или очень, **ОЧЕНЬ** сильно топал. Кто-то очень большой, тяжёлый...

Принц в тревоге вскочил. И встретился взглядом с бывшим наставником. Хельги очаровательно улыбался и всем своим видом выражал: «что я вам говорил!»

– Троль! – пояснил он. – Горный троль вышел на охоту. И если мы ничего не предпримем, охотиться он будет на нас! – и добавил многозначительно. – Единственное надёжное укрытие от тролля – это нора или щель настолько узкая, что он не сможет в неё пролезть.

Как же они бежали! Сломая голову, не разбирая дороги, неслись вдоль уреза воды, по плотному влажному песку. Там, далеко впереди, – Хельги отчётливо видел это, – пляж резко сужался, берег становился скалистым и обрывистым. Появлялась надежда найти ту самую спасительную нору или щель. А топот позади становился всё громче, всё ближе. Не оставалось сомнений – троль их учуял, вышел на след жертвы.

Ильза неслась и боялась оглянуться. Ей чудилось, будто она слышит дыхание чудовища за своей спиной, представлялись огромные ручищи, уже занесённые над её головой... На самом деле троль не был таким проворным, как она предполагала. Они добежали-таки до обрыва и забились в расселину, такую узкую, что сами едва протиснулись. Не иначе, это Силы Судьбы нарочно проковыряли её в гранитной толще, чтобы вторую партию исполнителей их воли не постигла столь же печальная участь, что и первую.

Они даже успели немного отдышаться, прежде чем в их поле зрения (весьма ограниченном) показался троль.

Единственным, кому уже доводилось встречаться с северным чудовищем, был Хельги. В ту пору ему было около пяти лет, поэтому свои впечатления от размеров твари он списывал на нежный возраст. Не может двуногое разумное существо быть **ТАКИМ ОГРОМНЫМ**, думал он. Оказалось, может. Детские воспоминания были совершенно верны. Троль был раза в два выше самого высокого уриаши или островного киклопа. А Рагнар, к примеру, едва достал бы ему до колена.

Как он выглядел? Малопривлекательно. Почему-то на картинах троллей принято изображать если не одетыми в штаны и куртку по моде людей-лесорубов, то, по крайней мере, закутанным в шкуры. Увы, в действительности дело обстояло иначе. Может, троллю стало жарко, и он шёл купаться, а может, одежда была лишь художественным вымыслом.

– Как же много в Средневековье голого народу! – пожаловалась Ильза, в смущении отворачиваясь.

А смущаться, надо сказать, было от чего! Размеры впечатляли.

В отличие от бесстыдства, слабоумием троль не страдал. Он быстро понял, что жертва ускользнула, и выцарапать её из щели не удастся даже с помощью палки. Злобно зарывав на прощание, великан побрёл восвояси, на поиски новых жертв. На этом дело, пожалуй, закончилось бы. Но вдруг приключилось непредвиденное.

Испустив воинственный клич, Эфиселия отпихнула Рагнара, выскочила из расселины и бросилась в атаку на чудовище! Как успела подумать практичная Меридит, у амазонки была бы небольшая надежда на успех, если бы она подкралась к троллю сзади и сразу перерубила сухожилия на ногах. Но крик заставил его обернуться, и единственно возможное преимущество – внезапность, было утрачено.

Троль резко развернулся и ловким, отработанным движением сцапал деву поперёк туловища. И сразу потащил в рот. По слухам, тролли обычно подвергали свои жертвы хотя бы минимальной термической обработке. Но этот, видимо, здорово проголодался и решил закусить свежатиной.

Деву Эфиселию вся компания успела здорово невзлюбить. Но смотреть, как новую спутницу пожирают заживо, оказалось выше их сил. Не сговариваясь, они устремились на помощь. Тихо. Молча. И, так же не сговариваясь, Хельги и Меридит почти одновременно рубанули увлечённого добычей монстра по ногам. Тот взревел от боли, споткнулся и, широко размахнувшись, отшвырнул деву в сторону. Тело глухо стукнуло о камни.

Нет, этот тролль был совсем не дурак. Следующее что он предпринял, это схватил огромную каменную глыбу и завалил вход в расселину! Путь к отступлению был отрезан.

Раны не лишили тролля возможности передвигаться, только умили прить. Бой шёл с переменным успехом. Временами казалось, что чудовище начинает выдыхаться. Но скоро силы возвращались к нему, и он атаковал. Молотил направо и налево огромной дубиной, способной с одного взмаха развалить целый дом. Швырялся огромными камнями, хорошо, что не очень метко. Но от ударов о землю во все стороны отскакивали, разлетались камни помельче, колоутили нещадно, оставляя страшные кровоподтёки и глубокие ссадины... Друзья могли бы убежать, если бы не неподвижное тело амазонки, к которому враг никак не позволял подобраться.

И вновь, в который раз уже, они с сожалением вспоминали об inferнальном мече из драконьего серебра. Как бы он сейчас пригодился! Не брало тролля обычное оружие. Ранило, но не убивало.

– Хельги, – взмолилась Энка, едва приходя в себя от удара по спине, на её счастье, скользящего. – Попробуй его через Астрал завалить! Сил больше нету!

Попробовал. В магическом пространстве туша северного людоеда выглядела как серое расплывчатое пятнышко величиной с орех. Такого не ухватишь, проскользнёт между пальцами.

– Тогда камни свои раскинь! О-ой! – осколок рикошетом попал ей по колену.

– Не выйдет... Ай! Демон поberi!... Спригганская магия на троллей не действует! Давно проверено!

Оставалось одно – дожидаться спасительного рассвета.

Как долго, как мучительно тянулось время! Казалось, не будет конца битве, и надо либо пожертвовать амазонкой и отступить, либо смириться с неизбежной гибелью. Но конец приходит всему. Первый, очень робкий, очень бледный лучик солнца чуть озарил самый краешек неба над Безрудными горами.

Троль окаменел мгновенно. Он, наверное, даже не успел понять, что с ним происходит. Так и замер, как был, с дубиной в поднятой руке. Но превращение на этом не остановилось. Окаменевшая фигура продолжала обрастать камнем, и в течение часа превратилась в бесформенную гранитную глыбу, сохранившую лишь общие очертания, отдалённое подобие живого существа.

В её благодатной тени Аолен до самого полудня пользовал хворых и увечных.

– Идиотка! – рычала Меридит, не обращая внимания на плачевное состояние организма амазонки. Если бы не бдительный Аолен, она бы, пожалуй, ещё и треснула её хорошенько! – Какого демона ты устроила?! Что за вожжа тебе под хвост попала?! Чуть не угробились из-за тебя!

Дева взглянула надменно.

– Спасать мир своими подвигами – вот моё предназначение. Я не намерена убегать от опасностей и отсиживаться по щелям подобно вам, жалким трусам!

Такого обвинения не смогла выдержать даже рыцарская натура Рагнара.

– Когда бы не мы, жалкие трусы, то вы, дамочка, теперь бы не с нами беседовали, а лежали кучкой троллячьего помёта! – выпалил он и сам порадовался, как складно сказалось.

Но верная себе диса всё-таки поправила.

– «Троллячьего» – так не говорят.

– Чего вы с ней спорите, она же ненормальная, – вмешался Эдуард. – Вы посмотрите, у неё даже глаза дикие!

Все послушно посмотрели. Ничего особенного не увидели, но опровергать слова принца не стали.

– Думайте что хотите, – усмехнулась Эфиселия, – Но именно благодаря мне подвиг совершён. Сделан первый шаг к спасению мира.

Хельги сел, прислонившись к бывшему троллю. До него никак не доходила очередь на исцеление левой сломанной руки, поэтому к общению он был мало расположен. Но обстоятельства требовали.

– Подвиг должен иметь цель, – сказал он, морщась. – Не абстрактную, вроде спасения мира, а вполне конкретную. Он должен принести кому-то пользу. Иначе это не подвиг, а просто дурость. Бессмысленный риск, вызванный желанием выпендриваться.

На личные оскорбления амазонка не реагировала, но слова демона задели её за живое. Бледное лицо её пошло пятнами, ноздри возмущённо раздувались.

– Я... Мы, – всё-таки поправилась она, – мы истребили отвратительное чудовище, наверняка наводившее ужас на всю округу. Мы избавили от него здешних обитателей, подарили им спокойную жизнь. Мы действовали им во благо.

Хельги невесело усмехнулся.

– Не обольщайся. Как там Энка говорит?... Сытное место пусто не бывает. Как только станет известно, что территория освободилась, сюда непременно явится другой тролль. К старому население уже привыкло: знали его повадки, часы охоты, умели спрятаться или откупиться. К новому надо будет приспособливаться не один месяц. За это время поляжет куча народу. Вряд ли нам скажут спасибо!

– Так что же ты сразу не предупредил?! – возмутился до глубины души Орвуд. – Стоило спасти эту свиристелку, – он кивнул на деву, – если от этого окружающим только вред! Пусть бы себе пропадала, если хотела! В другой раз полезет на рожон – пальцем не шевельну! А если сами надумаем геройствовать, нужно сперва разузнать, хотят того местные, или нет... Может, они нам и приплатят когда, за подвиг-то...

– Э, нет! – оборвал его мечты Рагнар. – Вот об этом забудь! Слышал я одну притчу про древнего героя. Гераклом мужика звали. Ему тоже пришлось подвиги вершить. Десять или двенадцать, не помню... Он всё больше с изменённой живностью возился, кого истреблял, кого наоборот, добывал. А однажды ему велели вычистить конюшни у какого-то аполидийского царя. Как его?... Ав... Ав... Забыл. Короче, вычистил он их. И что бы вы думали?! – он обвёл слушателей взглядом, выдерживая театральную паузу.

– Что?! – выдохнула заинтригованная Ильза.

– Не засчитали за подвиг, вот что! А знаете, почему? Он подрядился на работу за плату! Скотом хотел взять. Притом, что и скот в Аполидии всегда гроши стоил, и царь его надул, не заплати вовсе. Неважно, сказали, раз имел корысть, значит не подвиг! Представляете, какая досада!

Но Ильзу рассказ разочаровал. Не вызвал сочувствия.

– Подумаешь, – сказала она пренебрежительно. – Я лично сотни раз чистила дядюшкину конюшню, и платить мне никто не думал. Но за подвиг всё равно не засчитывалось. Чего героического в уборке конюшни? Так все поступают.

Рагнар нахмурился. Он смутно помнил: что-то с царскими конюшнями было не так, какая-то сложность существовала... Только герой мог их вычистить. А почему?... Забыл, надёжно забыл!

– Вот неучи! – скорбно вздохнула Меридит, она, как и большинство присутствующих, прекрасно знала историю с Авгиевыми конюшнями. – Хотя, Рагнар, пожалуй, прав. Будем действовать бескорыстно. На всякий случай...

– Конюшни конюшнями, а где у нас Бандарох Августус? – вдруг вспомнила сильфида.

Бандароха Августуса не было. Нигде. Кричали, звали – не откликался. Искали – не нашли. Ценой невероятных усилий откатали каменную глыбу от входа в расселину – пусто.

– Всё! – драматически объявила Энка после очередной бесплодной попытки докричаться. – Значит, он отстал, когда мы бежали от тролля, и тот его сожрал. А мы и не заметили! Не уберегли! Бедный Бандарох! Давайте, оборудуем ему символическую могилу, это будет трогательно!

– Скажешь тоже! – возмутился рыцарь. – Как это – не уберегли! Я лично его всю дорогу волок, а потом запихал в трещину! Рядом со мной сидел, пока мы прятались!

– Это обнадеживает, – немного разочарованно вздохнула сильфида. – Значит, он просто пропал, когда мы сражались. Испугался и убежал куда-то. Хельги, обернись-ка ты волком...

– Ну вот ещё! – обиженно перебил тот. – Не стану я никем оборачиваться. Тем более при посторонних. Это неприлично.

– Если ты не обернёшься, то не сможешь выйти на след, – миролюбиво пояснила сильфида. – Не бойся, мы отвернёмся. А хочешь, превращайся частями, как прежде моих женихов распугивал. Лишь бы тебе было удобно вынюхивать.

Хельги недовольно фыркнул.

– Дался вам этот Бандарох! Не желаю его вынюхивать! У меня ещё даже рука не срослась. Вот! – он довольно энергично помахал кистью перед носом девицы.

Тогда в дело вмешалась Меридит. Чмокнула брата по оружию в щёку и попросила.

– Хельги, счастье моё, ну хватит уже изображать идиота! Быстренько оборачивайся и нюхай, не то я тебя стукну прямо по шее, честное слово!

– Рука у меня не действует! – воззвал тот к её состраданию. – Даже пальцы не шевелятся!

Но диса логично и бессердечно возразила.

– Ты ведь не пальцами нюхать будешь.

Подменный сын ярла встал и обречённо потрусил к расселине. На полпути обернулся и велел грозно: «Только не вздумайте подглядывать!» Хотя оборачиваться целиком он, разумеется, не собирался. Обошёл одной волчьей головой. Но даже она не помогла. Следы свидетельствовали однозначно: в расселину Августус проник, наружу не вышел. Прямо тут, внутри, и сгинул!

– Значит, кобольды уволокли, – предложил новую версию Орвуд, памятуя о случае из собственной биографии. – У них есть тайные проходы в скалах.

– В наше время кобольды у побережья не водились, – усомнился демон.

– Мало ли, что было... будет в наше время! Теперь всё иначе, пора к этому привыкнуть.

– Надо говорить не «теперь», а «прежде было». Мы ведь в прошлом находимся, – поправил гнома Эдуард.

– Всё я правильно сказал. Мы здесь, значит, прошлое для нас – настоящее, и происходит сейчас, и нужно говорить...

Тут Ильза громко и сладко зевнула.

– Наш долг – спасти Избранника Августуса! – громко напомнила амазонка, решив, что беседа зашла не в то русло.

Сильфида в ответ театрально развела руками.

– Уж и не знаю, как нам быть! То ли мир спасти, то ли избранников! Разорваться впору! Хотя по мне, так мир важнее будет!

Рагнар примиряющее похлопал девицу по плечу.

– Ладно, не вредничай. Не оставим же мы нашего Бандароха в беде!

– Само собой! – продолжала иронизировать та. – Если мы даже эту особу, – она кивнула на Эфиселию, – бросились защищать как родную, разве сможем пережить потерю НАШЕГО, собственного Бандароха! Надо выручать боевого товарища!

– Разве вы были знакомы прежде? – удивилась амазонка. Она до сих пор не поняла этого – слишком старательно избегала общения с новыми спутниками.

– А как же! – усмехнулась Энка. – В последний раз мир вместе спасали. Нам, знаешь, не впервой, – и умолкла, предоставив деве возможность переварить услышанное.

Несколько часов они просидели в расселине. Ждали, не захотят ли кобольды напасть, не откроют ли тайный ход в свои подземелья. За это время Хельги пришлось ровно десять раз втолковывать нетерпеливой сильфиде, что проникнуть туда сквозь стену он не в состоянии, потому что камень НЕ СЕРЫЙ, а вовсе даже красный. Типичный красный гранит-рапакиви, состоящий из сферических агрегатов калийного полевого шпата, окаймлённых оболочкой олигоклаза! Неужели не ясно, что спригганская магия против такой породы совершенно бессильна?!

Но неугомонная девица в магии смыслила мало, в петрографии – ещё меньше, так что разговор «в пользу бедных» (по определению Орвуда) периодически возобновлялся. Под конец Хельги совсем потерял терпение и принялся угрожать девице цикуттой, которая, якобы, растёт неподалёку. Надо только нарвать и в суп подбросить. Энка, разумеется, в долгу не осталась, в расселине стало шумно. Так что диковинному существу, внезапно возникшему у входа, пришлось потрудиться, чтобы привлечь к себе внимание присутствующих.

Первым его появление заметил Рагнар.

– О! – обрадовался он. – Опять ты! Надо же, а я думал, ты мне спяну померещился! Ну, заходи, раз пришёл, гостем будешь! – он сделал широкий приглашающий жест, будто не в крошечную пещерку пришельца зазывал, а в царские хоромы.

– Королева Мэб не забыла про вас! – объявил карлик, игнорируя приглашение. – Трепещите, твари, прогневившие Королеву! Я, посланец Пурцинигелус, прибыл объявить волю её! Один из вас отныне – пленник Королевы. Велено вам явиться к престолу и отдаться на милость Королевы, иначе жизнь пленника будет короткой, а смерть – долгой и мучительной. Повинуйтесь, презренные твари!

На этом посланник Пурцинигелус хотел удалиться, но Орвуд его остановил. Не то чтобы гном собирался повиноваться, просто так, ради интереса, спросил.

– Эй, как тебя? Куда являться-то? Где твоя Мэб обитает?

Изжелта-бледное при дневном свете личико существа порозовело от возмущения, тонкий длинный нос смешно задёргался.

– Как смеешь ты... – начал он, но быстро взял себя в руки и ответил лаконично и гордо. – Ваш путь в Волшебную Страну лежит через острова Эмайн.

Сказал и исчез. Растаял в воздухе, как и не бывало.

– А где это – острова Эмайн? – спросил Эдуард. – Никогда не слышал! А ведь я неплохо географию знаю.

– Это старое название Замёрзшего Архипелага, – удручённо вздохнул Хельги. Душу магистра Ингрема терзали противоречия. С одной стороны, вся его спригганско-фьордингская натура восставала против повиновения чужой воле. С другой, безумно хотелось посетить родину предков. Действительно, разорваться в пору!

Меридит незаметно погладила брата по рукаву, шепнула тихо.

– Ну что ты мучаешься? Мы ведь и сами шли именно туда. Не станем же менять планы из-за какой-то королевы?

Не стали, разумеется.

– Интересно, почему на нас так взъелась эта Мэб? – рассуждал Рагнар дорогой. – Неужели только за то, что девчонку расколдовали? Мне думается, правящим особам подобная мелоч-

ность не к лицу. Представьте, что вышло бы, если бы я, к примеру, приказал у себя в Оттоне заколдовать всех, кто красивее... Нет, не красивее, я же не дама! Всех, кто умнее меня. Это сколько народу ни за что пропало бы!.. Нет, а чего вы смеётесь то?! Я правду говорю!

– Ты уж лучше заколдовывай тех, кто сильнее, – посоветовал Хельги, отсмеявшись. – Ущерб меньше будет.

Рагнар взглянул на собеседника с искренним удивлением. Спросил без тени хвастовства, пожалуй, даже с сожалением.

– Кто же это в Оттоне сильнее меня? Где я такого найду? Я в шестнадцати лет ни одного поединка не проиграл.

Дева Эфиселия, шествующая, по своему обыкновению, впереди, но на сей раз не так резво, вдруг обернулась и снизошла вступить в разговор.

– Королевские отпрыски вообще редко проигрывают на поединках своим подданным, – сказала она с неприятной улыбкой, – И дело тут не в силе.

– А в чём? – Рагнар не сразу понял намёк. – Ты что?! Ты думаешь, соперники нарочно поддавались, потому что я принц?! Да если хочешь знать, мой папаша, чтобы держать меня в форме, в своё время обещал тому, кто меня одолеет, такую награду, что можно было бы – сам себя победил бы! Вот! – рыцарь шумно перевёл дух. Не привык он говорить так длинно и красиво.

– Вот и вышел ты ослом! – укорил принца Орвуд – У тебя что, надёжного друга не было?

– Почему не было? Был. Седриком звали. В Кобольдовых Ямах погиб, – Рагнар скорбно вздохнул.

– Вот и надо было, пока не погиб, договориться. Ты бы ему на поединке поддался, он награду получил, потом пополам разделили бы, или вместе прогуляли. И тебе, и ему хорошо.

– Хорошо-то хорошо, – усомнился Рагнар, – да как-то не по-рыцарски... Хотя что теперь говорить. Нет его, Седрика.

Орвуд успокаивающе похлопал товарища по плечу.

– Не печалься! Вернёмся назад, пойдём в Оттон, и я тебя с удовольствием победю... побежу? Тьфу! Как правильно то?!

Энка громко всплеснула руками.

– Вы только подумайте! У самого в Оттоне на хранении целая куча драгоценностей из клада, не считая золотой ванны, а ему всё мало! Ещё и награду подавай!

Но Орвуд не смутился.

– Вы сами собрались весь клад на взятку пускать. Вот я и вынужден заботиться о своём будущем.

Вот так, болтая ни о чём, вошли они во владения фьордингов. Но не в сами фьорды. Береговая линия в здешних местах была ещё мало изрезанной, открывался широкий вид на три стороны горизонта.

Ближе к закату им встретилась первая пристань. Длинная, грубой постройки, она была сложена из толстых, свежих, даже неокорённых брёвен, испещрённых ржавыми пятнами лишайника. В дождь такие брёвна делались скользкими, будто их облили киселём. Хельги ностальгически вздохнул. Когда-то в детстве он поскользнулся и здорово расшиб затылок на точно такой же пристани в отцовском фьорде. Впрочем, вспоминать об этом вслух при сильфиде не стоило. Она непременно сочинила бы какую-нибудь гадость про последствия удара.

Ни людей, ни драккаров на пристани не было. Ещё не вернулись с моря, из дальних походов и ближних набегов. Ловят последние летние дни.

От пристани круто вверх уходила накатанная дорога. По обеим сторонам её, будтоobelisks на кладбище, теснились рунные камни. Одни стояли прямо, другие покосились и повалились от времени.

...Те из чужеземцев, кто не умет разбирать фьордингские руны, думают, что в них сокрыта магическая сила, и поставлены они для защиты. На самом деле, на них пишут всякие глупости, не имеющие ни малейшего отношения к колдовству. Приходит из похода фьординг, и если ему не лень, ставит камень с письменами о том, какой он молодец. Сколько сёлений разорил, сколько народу перебил, какую добычу привёз. Чтоб славилось имя в веках.

Фьордингам не нужна защитная магия. Сила воина – в мече и доспехе, в стремительном драккаре и верном соратнике, а не в мёртвом камне, вонючем зелье и подлом наговоре. Фьординги привыкли встречать опасность лицом к лицу, а не прятаться под охранными символами. Страх неведом им, Королям Севера. Кто осмелится стать поперёк их дороги? Робкий цверг? Низкорослый кобольд? Изнеженный южанин? С чёрных гор приходят тролли. Троль – это как буря на море, как обвал в горах, как удар молнии. Неизбежное зло, посланное Судьбой. Но даже тролля можно одолеть силой и отвагой. И значит, не бояться надо, а побеждать.

Таковыми они были всегда, люди фьордов – гордые, жестокие, бесстрашные...

Они ещё узнают свой страх. Когда по злой воле богов, демонов ли, двинутся из Утгарда на земли смертных большие льды, отесняя всё дальше на юг Границы Жизни. Когда замёрзнут Большие Острова со всеми, ПОЧТИ со всеми своими обитателями. Страх придёт с Запада, в облике странных тварей с дурной магией в крови. Он поселится в серых кольцах дольменов. Бесшумной звериной походкой прокрадётся в прежде бесстрашные души. У Севера появятся новые Короли, жестокие и опасные, не страшющиеся никого и ничего... ну разве что клопов и профессора Перегринна (не в обиду последнему будь сказано).

Наученные горьким опытом, под открытым небом решили больше не ночевать. Берег становился всё более изрезанным и скалистым, так что найти подходящее укрытие труда не составило. Это был очень удобный, сухой грот – надёжная защита от поднявшегося к ночи шквалистого ветра. Вход в него располагался довольно высоко в скале, ни волны прилива, ни потоки дождя, хлынувшего после полуночи, не могли проникнуть внутрь.

– Красота! – радовалась Энка. – В таком и жить можно, никакого дома не надо!

И всё-таки в полной безопасности друзья себя больше не чувствовали. Неизвестно, каким именно образом выкрали Бандароха Августуса, на что ещё способны его похитители. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, распределили дежурства.

Ильзе выпало нести караул последней, под самое утро. Девушка была довольна: Аолен и Энка просыпаются рано, не придётся долго скучать в одиночестве.

Однако она просчиталась. И эльф, и сильфида, утомлённые предыдущей бессонной ночью, подниматься с первыми лучами солнца на этот раз явно не собирались. Впрочем, и светало здесь, на севере, уж слишком рано. Полярный день в этих широтах длился до середины июля, потом солнце переставало кружить по небу как проклятое – сутки напролёт, начинало уходить за горизонт. Но ночи всё равно оставались очень короткими.

Сменив на рассвете моментально захрапевшего Рагнара, Ильза сперва просто сидела на песке, смотрела на спящего Хельги и думала о том, как же она его любит. И что может быть, однажды настанет такой день, когда она наберётся смелости и решится сказать ему об этом. Конечно, никакой новости она ему не сообщит. Стараниями излишне проницательной и недостаточно тактичной сильфиды, трепетные девичьи чувства давно перестали быть секретом. Но, размышляла Ильза, одно дело, когда об этом говорят посторонние, и совсем другое, когда сама признаешься.

Потом ей надоело размышлять, и она решила заняться стряпнёй. Здорово будет – все только проснутся, а еда уже готова. Получится настоящий завтрак в постели. Но для этого нужен огонь. Вообще-то, оставлять спящих без присмотра караульному не полагалось. Но, мудро рассудила боец Оллесдоттер, если тайные враги не стали творить свои чёрные дела под покровом тьмы, на свету и подавно не полезут. Не будет большой беды, если она отлучится на

несколько минут, соберёт деревяшек для костра – серые, окатанные морем, они во множестве разбросаны были вдоль берега.

О том, что опасность может угрожать ей самой, Ильза как-то не подумала. И даже не вспомнила наставления дисы, которая не раз говорила: «В чужом краю хоть на минуту одна остаёшься, пусть даже в кусты идёшь – меч держи при себе». Оставив оружие в гроте, девушка отправилась за топливом.

Дерево от дождя отсырело, стало совсем тёмным и тяжёлым. Выбирая кусочки посуше, те, что лежали под навесами скал, Ильза зазевалась и не заметила приближение врага. Человек, огромный, ростом почти с Рагнара, но ещё более массивный, сумел подкрасться тихо, как хищник. С одежды и длинных волос его стекали потоки воды. Доспеха на фьординге не было, из оружия имелся только лёгкий походный меч. Острие его было направлено точно Ильзе в живот. Но даже эта неприятная деталь не так испугала девушку, как глаза незнакомца – блёклые и мутные, будто испачканные. Холодное безумие отражалось в них.

– Чья? – хрипло каркнул фьординг.

– Что? – не поняла вопроса девушка.

– Ты чья, спрашиваю. Чья баба?

– Ничья. Своя собственная, – отвечала Ильза с достоинством. А что? Пусть не надеется, что она станет кричать и плакать.

Фьординг усмехнулся странно, левой половиной лица. Правая оставалась каменно-неподвижной, только веко чуть дёрнулось.

– Ничья, говоришь? Вот и славно. Моя будешь.

Волосатая ручища потянулась к девушке... Будто огромный горячий пузырь ярости взорвался в её душе. Вся её ненависть к северным разбойникам вылилась в высказывание столь эмоциональное, что воспроизвести его в письменном виде не позволили бы приличия.

Трудно сказать, что сильнее задело фьординга – эпитеты, относящиеся к нему лично, к его матери или народу в целом, но стерпеть подобное он, разумеется, не мог. Страшно представить, что ждало Ильзу, не подоспей помощь. Между ней и разъярённым противником встал Хельги. Откуда он взялся, оба не успели заметить. Вырос как из-под земли и спокойно, без малейшего вызова сказал фьордингу:

– Пошёл к демону!

Глаза северянина побелели, веко задёргалось ещё сильнее. Лицо совсем перекошилось.

– Ты ещё кто какой?! – проревел он. – Скажи, чтобы я знал, кого убью!

– Я, Хельги, сын ярла Гальфдана Злого, владельца Рун-Фьорда, буду тем, кто убьёт тебя, – нагло глядя фьордингу в глаза, сообщил демон. Уточнение «подменный» он опустил. Для ясности. В средние века детей Фьордингам ещё никто не подменивал, разве что, изредка, феи. Но на фею он явно не тянул.

Фьординг оскалился.

– Ты паршивая тощая тварь, не похожая на человека. У ярла не может быть такого сына.

Хельги усмехнулся, сверкнув жёлтым глазом.

– Не твоё дело указывать свободному ярлу, каких сыновей ему иметь!

В ответ противник промолчал, потому что это была чистая правда. И ярл, и даже простой фьординг имел полное право заводить потомство от кого угодно, хоть от троллихи, приключись у него такая фантазия. Так что крыть было нечем. А когда фьординг не знает, что сказать, он начинает действовать.

Он с самого начала недооценил противника, и немудрено. Составить верное представление о силе Хельги по его внешнему виду не мог никто. Не в пользу фьординга было и то, что со времён Средневековья техника боя успела здорово усовершенствоваться. В чем, в чём, а в области боевых искусств прогресс этого мира на месте не стоял.

Убивать своего врага Хельги не собирался. Не по доброте душевной. Как раз наоборот. Для фьординга пасть на поле битвы – это большая честь и прямая дорога в Вальхаллу, куда все они почему-то стремятся. Зачем доставлять ему такое удовольствие? Куда приятнее оставить побеждённого недобитым, чтобы тот в полной мере испытал унижение.

Но вышло не так, как он хотел. Чем больше кровавых ран появлялось на теле человека, тем яростнее он сражался. Не чувствовал боли, не слабел. Вид его стал страшен: мокрый, окровавленный, лицо искажено яростью. Из оскаленного, с крупными жёлтыми зубами рта летели брызги слюны. Розовая пена пузырилась на губах. Глухой звериный рык вырывался из тяжело вздымающейся груди. Берсеркер! Одержимый безумием битвы!

От любопытства Хельги пропустил удар, меч врага рассёк левую руку, ту самую, что пострадала в бою с троллем. Но он не обратил внимания, увлечённый зрелищем. Берсеркеры всегда интересовали подменного сына ярла. В том, собственном времени, ему довелось встретиться нескольких, но его не покидало подозрение, что они были ненастоящими. Просто притворялись для пушей важности.

Этот, средневековый, был самым что ни на есть подлинным, одержимым и безумным. Какая жалость, что при нём не имелось щита! Хельги давно мечтал посмотреть, как настоящий берсеркер грызёт щит. Зачем он, осёл сехальский, оставил в гроте свой? Можно было бы подсунуть, пусть бы погрыз...

– Тебе не помочь? – крикнула сестра по оружию. – Что-то ты долго с ним!

Фьординг производил столько шума, что перебудил всех, и у поединщиков появились зрители.

– Правда! – поддержала подругу Энка. – Я уже есть хочу! Давай скорее, или мы тебя не ждём.

– Ладно, – кинул демон, легко уворачиваясь от удара. Озверевший фьординг уже ничего не соображал, просто молотил мечом направо и налево, как тролль дубиной. Сражаться с ним стало скучно. – Идите, готовьте, я сейчас! – и любезно предложил фьордингу. – Может, сдашься на милость победителя? Я не буду против.

Берсеркер его даже не слышал. Ну, тем хуже для него!

Давно миновали... хотя, нет. Ещё не наступили те дни, когда Ильза бледнела и взвизгивала, когда под ноги к ней прикатывалась отрубленная голова. Теперь девушка лишь пренебрежительно передёрнула плечами: неприятно, конечно, но берсеркера иначе не убьёшь.

После завтрака Орвуд пошёл проверить карманы убитого. Карманов не оказалось, вместо них к поясу были приспособлены мешочки-кошеле, один – гладкий кожаный, второй – суконный. На нём женскими волосами были вышиты руны.

Средневековое письмо отличалось от современного староземского довольно сильно.

– Роггса, сын Асмунда, по прозвищу Кровавый, – медленно прочитала Меридит.

– ЧТО?! – Хельги вдруг подскочил и выронил фляжку, по песку побежал ручеёк. – Что ты сказала?!

– Роггса, сын Асмунда, – встревожено повторила сестра по оружию. – Ты что, его знаешь?

– Знаю ли я его?! Спрашиваешь! Это же Роггса Кровавый! Ой! Что же я наделал!

Друзья переглянулись. Давненько они не видели Хельги в таком потрясении. Пожалуй, со времён «снелания» Иракшаны или двухмесячного прогула занятий в Университете. Меридит тихо заскулила и вцепилась в первое, что попало под руку – локоть сильфиды. Ей передалось паническое настроение брата по оружию. Аолен почувствовал необходимость взять ситуацию в свои руки.

– Так, – велел он, стараясь придать голосу спокойствие и решительность. – Давай всё по порядку. Что это за человек, откуда ты его знаешь?

– Давным давно, – Хельги рассказывал монотонно и без запинки, как по писаному, – Жил человек по имени Асмунд, по прозвищу Стрелок. Был он по матери родом из Свольда,

а родичи со стороны отца – всё больше из Агланда и Сётланда. Было у Асмунда семь боевых кораблей и собственный горд в Тор-Фьорде. И сказал он другу своему Скафти: «Помоги мне, друг мой, посвататься к Йофрид, дочери ярла Харвана». «Что же, попробую сделать так, как ты желаешь» – отвечал Скафти. Отправились они к Харвану, и тот принял их хорошо. И отдал дочь свою замуж за Асмунда, и дал за ней новый драккар с фигурой морского демона Ро на носу.

Йофрид, дочь Харвана, была достойной, сильной женщиной и хорошей женой. Родила она мужу двух сыновей. Старшего нарекли Эйриком, в честь отца матери Асмунда...

– Хельги! Эй! Э-эй!

Рассказчик вздрогнул и умолк. Это Орвуд щёлкал пальцами у него перед носом, чтобы привлечь внимание.

– У тебя что с головой?! Что ты несёшь?

– Как что? – удивился демон. – Сагу о Рогтсе Кровавом. Сами же велели – по порядку.

– А поконкретнее, без лишних подробностей, нельзя? – нетерпеливо осведомилась Хельги.

– Нельзя. Что же это будет за сага, если без подробностей? Весь колорит пропадёт.

– Силы Великие! – гном начал раздражаться. – Тебя не просят рассказывать саги! Ответь просто, кто такой Рогтса. Сведения о его родителях нам ни к чему.

– О дедах, – укоризненно поправил Хельги. – До родителей я ещё не дошёл. Его деда тоже звали Асмунд. Он погиб за день до рождения отца Рогтсы, и сын был наречён в его честь.

Борода гнома от возмущения встопорщилась. Он был готов сорваться и наговорить лишнего, а это, учитывая нервное состояние Хельги, грозило ссорой. Аолену пришлось снова вмешаться.

– Твоя история очень познавательна, и позднее мы с удовольствием выслушаем её, – заговорил эльф мягко, – а теперь сосредоточься, пожалуйста, на Рогтсе. Коротко, своими словами, кто он такой?

– Древний герой. Самый знаменитый из берсеркеров, – обиженно буркнул демон, уяснив, что фьордингский фольклор вниманием не пользуется.

– Чем же он знаменит?

– Свирепостью, неустрашимостью и отвагой. Он пролил столько крови, что если всю её слить воедино, она заполнит целое озеро.

Аолен поморщился. Убитый фьординг нравился ему всё меньше и меньше. А взгляд Хельги снова сделался отрешённым.

– Раз возвращался Рогтса на корабле шурина своего Торгерда Умного из дальнего похода в родной фьорд. Но поспорили они, как станут делить добычу. И почувствовал Рогтса, что безумие наполняет душу его. И устремился убить в припадке ярости шурина своего, как убил однажды собственного брата. Тогда скинул он доспех, прыгнул в море и поплыл к берегу. И больше его никто никогда живым не видел. Обезглавленное тело на седьмой день нашли на берегу... Фьординги всё гадают, кто же убил Рогтсу Кровавого? А это, оказывается, был я! Вот Беда! Я убил героя своего народа! Я – убийца легенды! Ужас, ужас!

– Твоя легенда была сущим упырём! – сварливо, с интонациями Орвуда, заявила Ильза. – Чуть не обесчестил меня, паразит! Туда ему и дорога!

– Да, – подтвердил Хельги уже гораздо спокойнее, – Этим он тоже славился.

– Чем? – не понял Эдуард.

– Тем, что женщин бесчестил без разбору.

– Не понимаю, чего ты переживаешь, – принялась увещевать Энка, решив ковать железо, пока горячо. – Ты не первый на него напал. Шёл честный поединок. Ты предложил ему жизнь, он отказался. Даже если бы он был хорошим человеком, а не невменяемым выродком, тебе всё

равно не в чем было бы себя упрекнуть. Он получил то, что заслужил, и это было предопределено Судьбой.

– И с каких это пор ты стал считать фьордингов «своим народом»? Ты их всегда терпеть не мог! – подхватила Меридит. – Что тебе за дело до их легенд? Нашёл из-за чего переживать!

Хельги попытался защищаться.

– Да-а! А представь, что бы ты почувствовала, если бы убила... – он запнулся, подбирая жертву пострашнее, – ну, скажем, валькирию Брюнхильд?!

– Сравнил тоже! Брюнхильд – моя родная прапрапрабабка, большинство остальных валькирий тоже в той или иной степени родственницы. А тебе Рогтса Кровавый никто.

– И то правда! – Хельги решил, что пора ему уже успокоиться. Он демон-убийца, не дева корриган, чтобы давать волю эмоциям.

Но фьординга он всё-таки похоронил. Оттащил тело подальше от берега, чтобы не смыло приливом, завалил камнями, чтобы никто не сожрал, а сверху воткнул его меч, чтобы легче было искать тем, кто придёт через неделю. Не хватало ещё, чтобы по его вине изменились слова древней саги!

А на следующий день они совершенно неожиданно для себя пришли в Свольд!

Да, это был именно Свольд, почти такой, каким помнил этот город Хельги, ну, разве что поменьше раза в полтора. Те же кривые, тесно застроенные серыми деревянными домами улочки, сбегające к огромной пристани, те же унылые вереницы складов товара, виселицы со свежими покойниками, весёлые дома, откуда день и ночь несутся пьяные вопли, звон кружек и визг бесчестных женщин. Некоторые постройки Хельги даже узнал: вот в этом новом доме на углу он не раз бывал с папашей-ярлом, там жил... вернее, будет жить торговец, скупающий сехальский шёлк... Да, несомненно, это был Свольд. Вот только располагался он почему-то чуть ни в неделе пути южнее! Случалось, что могущественные маги в годы войн из стратегических соображений перемещали города на тысячу и более шагов. Но чтобы так далеко – о подобном никто не слышал!

– Ты совершенно уверен, что не ошибся? Может, это другой город, просто похожий? – пристала Энка.

Вместо ответа Хельги бесцеремонно сцапал за шкурку пробежавшего мимо ребёнка лет шести-семи, высоко поднял, несколько раз встряхнул и спросил грозно.

– Какой это город? Говори!

– Свольд, демон тебя побери! – тоном заправского фьординга рявкнул обиженный ребёнок. – А ну, отцепи, не то...

– Видишь? – демон сунул мальчишку прямо сильфиде под нос. – Он тоже говорит, что Свольд!

Он разжал пальцы, ребёнок ловко приземлился на ноги, но убежать и не думал. Похоже, он решил смыть оскорбление кровью – вытащил из-за пояса очень серьёзный нож. В маленькой руке юного фьординга он казался настоящим мечом.

– Пшёл прочь, трюмово отродье, – велел демон и глянул так, что у ребёнка разом пропал весь воинственный пыл. Только пятки сверкнули по переулку.

– Хельги, почему ты всегда так плохо обращаешься с детьми? – укорил подменного сына ярла Аолен.

Тот удивлённо вскинул брови – сама невинность, спросил с искренним недоумением.

– Почему плохо? Я же их не бью!

– Ну, надо бы ещё и бить! – негодуя воскликнул эльф.

– Конечно, надо, – не разобрав, согласился Хельги. – Но на это у них есть родители. А я не обязан.

– Тебе вредно находиться в здешних землях, – решил Аолен. – Начинаешь вести себя, как дикий фьординг. Те же манеры.

– Издержки воспитания, – покорно подтвердил Хельги, хотя так и не понял, в чём именно провинился...

...– Надо решать, как будем добираться до Архипелага, – тихо говорил Хельги.

Они сидели за длинным столом в весёлом доме, хотя пришли сюда вовсе не веселиться, а просто поесть.

Это было небезопасно. В Свольде с давних времён был установлен вечный мир. На его улицах никто не смел убить или украсть. За этим следила специальная стража, сурово карающая тех, кто посмеет нарушить закон. Наглядным подтверждением её деятельности служили виселицы, установленные чуть ни на каждом углу. Но на то, что происходило внутри весёлых домов, стражники внимания не обращали. Не их дело. Не нравится – проходи мимо. Кровавые драки здесь вспыхивали по малейшему поводу – это была неотъемлемая часть веселья. И, по мнению Рагнара, не самая плохая. Приятно иногда кости размять.

– Не вздумай ввязываться! – сразу предупредил Аолен. – Мы не вправе рисковать собой впустую! От нас зависит судьба мира!

Рагнар в ответ неразборчиво и очень недовольно пробурчал что-то насчёт кисейных барышень и сдувания пылинок.

Выполнить пожелание эльфа оказалось нелегко. Пёстрая компания чужеземцев не могла не привлечь внимания окружающих. Многим тут же захотелось испытать их силу. Если бы не Хельги, кровопролития было не избежать. К счастью, он знал, как надо обращаться с пьяными фьордингами, и гасил конфликты на корню. Блюда успели опустеть, а оружие так и не покинуло ножен.

Теперь можно было спокойно обсудить планы на будущее, не опасаясь, что помешают доест.

– Корабль нужен! – уверенно отвечал гном на вопрос Хельги. Ему уже изрядно надоело плестись пешком.

Демон фыркнул.

– Ослу ясно, что нужен корабль. Вопрос в том, как именно мы его добудем.

– А что, есть варианты? – удивился Рагнар.

– Вариантов полно. Самый простой – разузнать, не согласится ли кто доставить нас на острова за плату, – (при этих его словах Орвуд поморщился). – Можно напроситься на корабль за деньги, а в море его захватить. Хотя это сложнее, – (тут настал черёд Аолена морщиться). – Можно захватить драккар сразу, угнать от причала. Этот способ самый сложный, зато надёжный. Потому что никто не захочет по дороге ограбить и выкинуть в море нас самих. Наконец, мы можем проделать всё это прямо здесь, в Свольде, и идти до Архипелага морем суток пять-шесть. Дойдём или нет – большой вопрос. А можем ковылять вдоль берега дальше на север. Оттуда до островов можно будет добраться на простой лодке. Но пеший переход займёт не меньше месяца – пока все фьорды обогнём...

– Отпадает! – воскликнули в один голос Орвуд, Энка и Эдуард. Вышло так громко, что на них снова стали оглядываться. Пришлось покинуть заведение и продолжить разговор на улице.

Аолен давно заметил, что из всех возможных вариантов их компания всегда выбирает самый абсурдный. Так вышло и на сей раз. Решили угонять драккар! Ночью, от пристани.

Присматривать добычу пошли засветло.

Причалы в это время года стояли опустевшими. Это поздней осенью, в дни тинга, тут бывало не протолкнуться. Суда привязывали бок о бок друг к другу, и, чтобы добраться до бревенчатого настила пристани, нужно было пробираться по трапам, перекинутым с борта на

борт. Теперь же на всей огромной пристани, не считая нескольких пустых барж, едва насчитывался десяток драккаров, причаленных у самого берега.

Хельги опытным глазом рассматривал их с высоты обрыва.

– Вот тот крайний, видите? С головой кабана? Нам подойдёт. И мачта поднята! Редкое везение! Самим не возиться!

– Чего это ты самый маленький выбрал? – недовольно спросил Рагнар. – Смотри, рядом какой шикарный есть!

Впечатляющее плавучее сооружение, украшенное фигурой многорукого чудовища, грузно покачивалось на волне.

– Рехнулся?! Драккар на четырнадцать румов! Да мы его с места не свезём! С маленьким-то дайте боги справиться! Придётся ветер направлять...

– Ты собираешься всю дорогу до островов направлять ветер?! – взвилась Меридит. – На родину предков приплывёт твой холодный трупик?

– Не всю дорогу, а чтобы от погони уйти.

Облюбованный Хельги драккар насчитывал всего шесть румов, то есть, пар вёсел. На один рум полагалось четыре гребца – по двое на весло.

Каждому из нас придётся грести двумя вёслами сразу, и без смены! – радостно поведал подменный сын ярла.

– Ты уверен, что подобное возможно? – осторожно усомнился эльф.

– Уверен! – подтвердил Хельги тоном донельзя легкомысленным. – Гундер Гребец, герой древних саг, всегда так поступал!.. Кстати, имейте в виду. Если дело сорвётся и нас поймут, то за нарушение закона о вечном мире, посадят на кол. Толстый, чтобы померли не сразу.

– Ах, какие радужные перспективы нам открываются! Одна другой привлекательнее! – с несвойственной эльфам горькой иронией вздохнул Аолен.

Дело не сорвалось, и толстые колы остались поджидать другую жертву.

Стояла безлунная, душная ночь. Даже не верилось, что накануне порывы ветра едва не сдирали черепицу с крыш и ели гнулись, словно желали достать земли кронами. Теперь всё замерло в сонном оцепенении, и воздух непривычно загустел. Только прибой в вечном своём движении лениво постукивал о брёвна пристани и шевелился под днищем настила.

Стражник Гунт по прозвищу Однорукий клевал носом, стоя возле своей будки. Уже десять лет, с тех самых пор, как правая рука его нашла последний приют в бурных водах Тайенского пролива, караулил он чужие драккары на этих самых мостках. Гонял вороватую мелюзгу из числа нелюдей, не признающих человечьи законы фьордов. Разнимал драки. Самым серьёзным был случай, когда благородный ярл Кунс с дружиной из тридцати фьордингов, выйдя из стен весёлого дома, перепутал с пьяных глаз, занял чужой драккар и ни в какую не желал признавать ошибку. Пришлось звать стражу с берега, немало крови пролилось. Да, всякое случилось за десять лет...

Но в то, что однажды найдётся безумец, пожелавший увести чужой драккар из города вечного мира – в это Гунт Однорукий поверить не мог! А потому и не заподозрил ничего дурного, когда услышал лёгкие шаги позади себя. Впрочем, единственная рука его оказалась умнее головы – привычно стиснула рукоять меча.

– Стой! Кто идёт? – прорычал стражник грозно.

– Я иду, дяденька! – откликнулся высокий голос. – Я, дяденька, продажная девка, и мне деньги нужны до зарезу! Ты не против будешь развлечься?

– Ладно, ступай сюда, – согласился скучающий Гунт. Дело было ему не в новинку. Правда, никогда прежде бесчестные женщины не представлялись столь откровенно, и речь девки звучала по-чужеземному, ну да не всё ли равно? Лишь бы дело знала.

Из темноты на зов вынырнула, стала приближаться женская фигура, одетая, правда, не в подобающее платье, а в дрянные мужицкие штаны. И вообще, ничего в этой девке хорошего не было: рыжая, тощая, остроухая – нелюдь, что ли? Совсем ничего хорошего! Кроме, разве что, большой чугунной сковороды в руке. «Отличная сковорода!» – успел подумать Гунт, прежде чем его приложили по черепу этой самой сковородой.

Того, как вынырнули из воды, вылезли на мостки и, пригнувшись, метнулись к драккару Сигурда Вепря серые тени, оглушённый стражник уже не видел.

Затем последовала короткая свалка – несколько людей Сигурда оставались ночевать на драккаре. Численный перевес был не на стороне фьордингов, это спасло им жизнь. Их просто пошвыряли за борт, а убивать не стали. Когда же подоспели другие стражники, когда вёсла соседних драккаров ударили о воду, было уже поздно. Прошло всего несколько минут, но Вепрь непостижимым образом оказался так далеко, словно могучая сила гнала его вперёд. Чёрно-красный полосатый парус его вздувался под порывами попутного ветра – при полном штиле вокруг! Преследователи шли на вёслах, едва справляясь с неизвестно откуда возникшими течениями. Расстояние, отделявшее их от краденого драккара, становилось всё больше. А когда между их судами и Вепрем вырос огромный водяной вал, и, набирая мощь, понёсся навстречу, ударил в острые носы, тогда всем стало ясно: КОЛДОВСТВО! Колдовством фьординги не владели, и рисковать жизнью ради спасения чужого имущества и торжества законов тинга намерены не были. Преследователи повернули назад...

...Хельги упал на колени там, где стоял – на кормовой палубе. Из носа текла кровь, падала крупными каплями, оставляя на влажной древесине расплывчатые следы – магия серых камней никогда не шла ему на пользу. Но расслабляться было не время, он стоял за кормчего. Остальные сидели на румах, гребли что было силы, до седьмого пота, до кровавых ссадин на ладонях. Плохо гребли, плохо! Не тягаться им с фьордингами! Если бы драккары решили продолжить преследование теперь, когда его магические силы были на исходе и не могли больше управлять стихиями, – непременно настигли бы! К счастью, фьординги на драккарах об этом не знали...

Всю ночь на вёслах работали, не жалея сил и рук, стремясь как можно скорее покинуть опаснее воды. А утром поднялся ветер. Отличный попутный ветер – на радость гребцам, на заботу кормчего...

Хельги потрянул головой – мачта вдруг стала двоиться в глазах. Он не заметил, как сзади подошёл Рагнар, и вздрогнул от его голоса.

– Иди спать, я тебя сменю, – рыцарь взял его за плечи, чуть потрянул.

– Ты грёб всю ночь... – стал отказываться Хельги, но тут мачта окончательно раздвоилась, а палуба ушла из-под ног.

– Эй, ты чего?! – из тумана выплыло встревоженное лицо Рагнара. – Боги Великие, ты сейчас на вампира похож! Натуральный вампир!

– В каком смысле? – вяло поинтересовался демон. – Слушай, посади меня куда-нибудь, – он оставался на ногах только потому, что рыцарь продолжал удерживать его за плечи.

– Ты весь белый, как труп, и кровью перемазанный. Смотреть страшно!

– Это всё Силы Стихий, – пояснил Хельги, морщась: противная сухая корочка стягивала кожу на лице, мелко шелушилась под пальцами, рассыпаясь в бурый порошок. – Аолену не говори, – попросил он.

Рыцарь усмехнулся: «А то он сам не увидит!» и попытался усадить Хельги, прислонив к борту. Но борт оказался ненадёжной опорой, всё норовил куда-то уползти... «Ты как хочешь, а Аолена я разбужу!» – было последнее, что слышал Хельги.

Аолен помочь не смог. Слишком тяжело далась ему ночная гонка, не мог собраться с силами. Около часу Хельги просто лежал головой на его коленях, молча и неподвижно. Он находился в странном состоянии, где-то между сном и явью. Иногда проваливался в Астрал, тогда мир превращался в скопище цветных полос и искр. Потом выныривал из магического

пространства в физическое, но видел совсем не то, что окружало его на самом деле. Не было ни драккара, ни друзей – какие-то замки, рыцарские турниры, дамы в цветущих садах и отвратительные сцены благородной охоты. Хотелось избавиться от всего этого безобразия, но оно не уходило.

А в очередной раз провалившись в Астрал, он вдруг заметил, что рядом копошится мерзкий, синюшного цвета паук. И не просто копошится, а длинными лапами-нитем сматывает в клубки его собственные магические продолжения и с аппетитом запихивает внутрь себя! Причём уже изрядно преуспел в этом деле, отгрыз всю левую руку, до самого плеча... или это нога? Так или иначе, пришлось принимать меры. Астральная тварь исчезла, конечность вернулась на место, тяжесть, свинцом навалившаяся на тело и тисками сдавившая голову, отпустила. А перед глазами возникла новая картина. Яркая, чёткая, она давала полное ощущение реальности.

Он видел озеро, гладкое, как зеркало, в окружении пасторально-зелёных холмов. Совершенно отчётливо слышал робкое щебетание птиц и шелест деревьев. Одинокие солнечные лучи, пробиваясь сквозь завесу низких облаков, освещали местность тревожным светом.

Два человека, зрелый, в сером капюшоне, и молодой, одетый как рыцарь, но без брони, вышли из-за холма, приблизились к воде. Старший на миг обернулся, и Хельги с удивлением узнал в нём нового знакомого, Мерлина! Лица его спутника увидеть не удалось. С минуту люди стояли на берегу, ветер доносил обрывки распевных фраз – маг читал заклинания. А потом вода в озере вдруг взбурлила, закружила водоворотом. Огромная, но в то же время изящная женская рука, сжимающая меч вынырнула из пучины.

Ах, что это был за меч! У любого, кто хоть немного смыслил в оружии, (а уж он то, Хельги, в оружии смыслил профессионально!) захватило бы дух от великолепия этого меча! Совершенная форма, ослепительно сияющее полировкой лезвие, благородно-скромная, но драгоценная рукоять – подобное оружие было достойно величайших из королей. Если бы Хельги не понимал, что видит всё не наяву, то честное слово, пошел бы к озеру и забрал меч себе, что бы о нём ни подумали те двое...

В этот миг, словно уловив его недостойные мысли, видение угасло. Возникла жёсткая палуба драккара, полосатый парус, палящее солнце и удручённый Аолен...

Последний час был одним из худших в жизни Аолена. Друг умирает тебя на руках, а ты ничего не в силах поделать – что может быть страшнее?

Он не понимал, что происходит. Хельги не в первый раз применял спригганскую магию стихий, она всегда была ему во вред, но никогда последствия не были столь грозными. А ведь прежде ему случалось высвобождать куда более мощные силы. Чего стоил поединок с Багорой или гигантский отлив у западного побережья! Почему же небольшое течение и простой ветер, устроенные с помощью камней размером всего-то с кулак, вызвали такую реакцию? Этого эльф не знал.

Он сидел и беспомощно смотрел, как блеет лицо Хельги, сохнут и трескаются синеватые губы, холодные капли выступают на лбу, остывают руки, слабеет дыхание, – и с ужасом думал, что скажет Меридит, и что вообще теперь будет. За последние несколько лет эльф привык рисковать жизнью почти ежедневно. Осознавал, что любой день может стать последним и для него самого, и для любого из его друзей. Ему казалось, что он успел подготовиться к этому, что сможет смириться с судьбой. Оказалось, нет...

Утреннее солнце слепило нещадно. Свежий ветер гнал по небу обрывки облаков. И вот одно из них бросило тень на драккар. И они – Аолен с Рагнаром – увидели ЭТО. Жуткая, призрачно-бестелесная тварь, похожая на тощего, двуногого, горбатого волка, склонилась над Хельги, длинным узким рылом присосалась к шее. Что-то эфирное, но отвратительно похожее на слюну, капало со скошенного подбородка чудовища, короткие передние конечности мерно подрагивали. Казалось, оно урчит от удовольствия, наслаждаясь добычей.

– Очнись! – эльф принялся в ужасе трясти безжизненное тело Хельги. – Очнись, ради всех богов! – он не знал, что ещё можно сделать.

Хельги не очнулся, но пользу действия Аолена принесли. Тварь вдруг вскинулась, отпрянула, выгнулась неестественной дугой, как в эпилептическом припадке, и, корчась, принялась стремительно уменьшаться, усыхать и таять. И исчезла совсем.

Ничего не изменилось в лице Хельги, но Аолен понял совершенно точно – опасность миновала! А ещё минут через пятнадцать демон открыл глаза. И вместо приветствия, как ни в чём не бывало, пожаловался.

– Представляете, мне кажется, я опять кого-то пожрал... в смысле, поглотил! Вот ужас, да?

– Ещё какой у... – начал было Рагнар, но осёкся. Не так часто приходится видеть, как благородный и утончённый эльф самым вульгарным образом кажет тебе кулак!

К радости Аолена, Хельги тут же забыл о своей жуткой трапезе. Он сел и радостно повёдал.

– У меня такая галлюцинация была! Обалденная! Настоящее видение. Сейчас расскажу! Эльф сдёрнул его на пол за ремень штанов.

– Да не шевелись ты пока, ради всех богов! Рассказывай лёжа!

– Лёжа неудобно, – возразил демон. – Ну ладно, слушайте. Но выйдет не так образно, как хотелось бы!..

...Ещё раз, уже более художественно, он описывал видение позже, когда проснулись измученные гребцы.

– Интересно, кто был тот, второй, с Мерлином? – завершил он свой рассказ. – Такой меч отхватил! Повезло парню!

– С ума сойти! – схватила за голову сильфида. – Я всегда знала, что он у нас дремучий как троль. Но чтобы настолько! Хельги, тебе ничего не говорит имя король Артур?!

– А что, должно говорить? – осторожно поинтересовался магистр Ингрем.

– Это ты у мэтра Дастархольма спроси, если в университет вернёмся. Только не сразу, сначала подготовь морально. Чтобы старичка удар не хватил!

Мэтра Дастархольма Хельги знал, так звали их преподавателя истории. А короля Артура... Вроде бы что-то слышал... А может, и нет...

– Вспомнил! – весело известил он. – Там ещё дева была! Озёрная дева и этот... как его? Не то Галахад, не то Грааль! На «г», короче. Стол, что ли, так назывался?

– Где «там»? – тоном палача на допросе осведомила сильфида.

– Не знаю, где. Там, где Артур. Ассоциации у меня такие.

– Не представляю, как образованное существо в степени магистра может позволить себе не знать подобных вещей! – возмущению девицы не было предела.

– Вот так и может! Я не гуманитарий. Ты, например, знаешь, что такое гетероцеркальный хвост? То-то же!

– Хельги, – втолковывала Энка, – Есть определённый минимум знаний, необходимых любому культурному существу! Стыдно не знать о короле Артуре, это же история!

Но демон из упрямства взялся спорить.

– Не понимаю, почему не знать об Артуре стыдно, а о гетероцеркальном хвосте – не стыдно! Кто вообще определяет этот твой минимум и почему в него никогда не входят естественные науки? Вы не знаете самых простых вещей об окружающем мире, но это вас не смущает. Помните какого-то короля и воображаете себя культурными! Он, король этот, наверное, уже помер давным-давно. А гетероцеркальные хвосты существуют по сей день. Значит, они важнее!

– Ещё не факт, что он помер, – перешла в оборону девица. – Там какая-то тёмная история вышла... И вообще, что ты привязался со своим хвостом?!

– У меня нет хвоста! – всё, что касалось Артура, Хельги пропустил мимо ушей. – То есть, когда у меня есть хвост, он не гетероцеркальный. Я не акула!

И он с видом победителя удалился на корму – сменить Рагнара.

С его уходом разговор пошёл о другом. Аолен и Рагнар шёпотом, наперебой рассказывали об ужасном происшествии с призрачным чудовищем. Меридит слушала и бледнела. «Если ещё когда ни будь, не дайте боги... только посмейте меня снова не разбудить! Убью обоих!» – пригрозила она свирепо.

– Ладно, убивай, – согласился Рагнар. – А интересно, что это была за тварь, правда?

Он недооценил слух урождённого сприггана.

– А-а! – донеслось с кормы. – Значит, всё-таки была тварь?! Я же помню, что кого-то пожрал... поглотил. А вы скрываете!

В спокойном состоянии Аолен обрёл способность мыслить логически.

– Мне представляется, – рассудил он, – что владелец драккара, желая нам отомстить, обратился к колдуну, и тот напустил на нас чудовище. Олицетворённое проклятие. Оно нашло нас по магическому следу и вцепилось в того, кто этот след оставил. Счастье, что Хельги демон. Иначе... – голос эльфа дрогнул, он не договорил. Помолчал секунду, и добавил. – А может быть, на драккаре изначально была установлена магическая защита.

– Вряд ли, – возразила Меридит, со слов Хельги она хорошо знала о нравах северян. – Фьординги не любят магию и не прибегают к ней без особой нужды. Первый вариант более вероятен.

– Ой! Что это?! Кто это?! – взвизгнула вдруг Ильза.

Мимо её носа неожиданно промелькнула глубокая посуда, насаженная на длинную ручку. Что-то с шумом выплеснулось за борт.

– Это черпальщик, – авторитетно пояснила диса. – Как мы его сразу не заметили?! Совсем плохие стали!

Черпальщиков оказалось двое. Они сидели под палубами, один на носу, другой на корме, прикованные за ногу длинными цепями. На шее у каждого был одет ошейник. Видом своим они живо напоминали Бандароха Августуса после долгих месяцев плена. Дремуче-заросшие, пропахшие нечистотами, одетые в грязные лохмотья, с глазами пустыми и безумными. Но была и существенная разница – оба не выглядели истощёнными. Черпальщиков, в отличие от других рабов-траллсов, кормили досыта, чтобы могли работать. Ведь от них значительной мере зависело благополучие самого ценного имущества фьординга – его драккара.

Один из черпальщиков был стар. Хотя, нет. Старика не стали бы держать на драккаре. Человеку было лет под сорок, или немного за. Но беспросветное, бессмысленное существование придало несчастному облик старика. Сколько лет просидел он под носовой палубой? Пять? Десять? Или больше? Ответить он не мог – разучился. Давно забыл смысл слов, как и собственное имя. На все вопросы лишь мычал, бессвязно и тоскливо. Рагнар ударом гномьей секиры сбил его оковы, но превратившееся в зверя существо не выказало ни малейшей радости. С глухим ворчанием уползло оно под палубу, и снова заработал его черпак.

Второй черпальщик был очень молод, и даже длинная, сваленная в паклю борода не могла скрыть этого. Сперва он тоже молчал. Моргал от яркого света – глаза привыкли к полумраку под палубой. Но когда его избавили оков и ошейника, лицо юноши ожило. Совсем недавно посадили его на цепь, не успел сломаться, превратиться в животное.

– Кто ты? Откуда родом? – расспрашивали юношу наперебой. – Назови своё имя?

– Артур?... Да, меня зовут Артур, – медленно выговаривая слова, словно стараясь вновь привыкнуть к ним, произнёс тот. – Артур.

Скоро он смог поведать спасителям свою историю. Вернее, очень небольшую её часть. Он смутно помнил, как плыл куда-то на корабле, вроде бы, по поручению отца. Но в водах

Граммарского – это название почему-то запечатлелось в памяти очень чётко – Граммарского залива их судно было атаковано фьордингами. Он сражался вместе со всеми, пока не получил удар по голове... И очнулся уже с ошейником. Это случилось ранней весной.

Первые месяцы он сопротивлялся злой судьбе – его били. Не помогло. Тогда хозяин, ярл Сигурд Вепрь приказал убить трёх его товарищей по несчастью. И обещал убивать каждый день столько же. Пришлось смириться и с ошейником, и с цепью на ноге. Но он ждал. Он молил богов, и боги слышали его.

– Ясно, – кивнул Хельги. – Так обычно и бывает. Мне другое интересно. Тот ты Артур, или просто совпадение?

– Какой – тот? – ничего не понял юноша.

– Который важнее гетероцеркального хвоста, – ответил демон бестолково. – Вспомни. Тебе ничего не говорит имя Мерлин? Мер-лин. А рука с мечом посреди озера? Шикарный такой меч! Не видел?

Артур только стонал, обхватив голову руками. Ничегошеньки он не помнил!

– Ну что ты пристал к парню? – вступилась сильфида. – Мало ли на свете Артуров? И вообще, какая разница, тот он, или нет?

Демон смерил подругу осуждающим взглядом.

– Большая разница. Если это ТОТ Артур, если он на самом деле настолько важен для цивилизации, как ты утверждаешь, – так уж не совершили ли мы ПОДВИГ?

– Демон поberi! – хлопнула себя по лбу сильфида. – Об этом я и не подумала!

Плавание проходило мирно. Шли при попутном ветре, лишь изредка приходилось браться за вёсла. Пищи хватало на всех, на драккаре нашлись запасы. Немного ограничили расход воды, но это была предупредительная мера, на случай непредвиденных обстоятельств... В общем, судьба дарила свои наёмникам передышку.

Правда, на третий день, вернее, на третью ночь, произошёл небольшой инцидент. Спящие были разбужены воплями, полными благородного негодования, и звонким, хлестким звуком удара. Вскочили, проморгались, и в свете перьев эрцинии узрели такую картину.

Смущённый, перепуганный Артур сидел, прижавшись к борту спиной, на бледной свежевыбритой щеке его багровел отпечаток ладони. А над ним, руки в боки, нависала разгневанная амазонка, метала глазами молнии и возмущённо голосила.

– Что стряслось? – сонно спросил Рагнар. – Что за шум, а драки нет? Или есть?

Амазонка обернулась, гордо вздёрнула подбородок. На миг Ильзе показалось, что у неё из ноздрей идёт дым.

– Этот негодяй! Он посмел приставать ко мне!

– Как именно? – с интересом уточнила сильфида.

– Какая разница, как именно?! Грязно!

– А всё-таки?

– Он сделал мне непристойное предложение!

– Я... Я не... Я был деликатен, клянусь вам! Я не позволил себе ничего дурного... Только спросил! – пролепетал несчастный. – Я так долго был один...

Энка взглянула на молодого человека благосклонно. Вымытый, выбритый и кое-как переодетый, он выглядел вполне симпатичным. Лично она не стала бы поднимать визг, даже если бы он НЕ ТОЛЬКО попросил.

– Да как он посмел измыслить подобное?! Позарился на благородную деву, подлый, недостойный мужлан! Мой народ презирает мужчин! Никто из нас никогда не падёт так низко, чтобы...

– Насчёт недостойного – это она зря, – сказал Хельги в полголоса. – Он, может быть, вообще король.

– Почему я король? – испугался Артур.

– Да так... Со спины, вроде бы, похож, – ответил демон уклончиво.

– Слушай, – обратилась Меридит к амазонке. В голосе её не было ни тени осуждения, только искреннее любопытство. – Если вы презираете мужчин, зачем ты так одеваешься? В Аполидии проститутки и то скромнее выглядят, не в обиду будь сказано.

Диса не преувеличивала. Упомянутые дамы носили свободные легкие туники, скрывающие, до поры до времени, их прелести. Кожаный, с ремнями и завязочками, наряд благородной девы выделял всё, что можно выделить, подчёркивал всё, что можно подчеркнуть. Вдобавок, сверху она надевала облегчённый доспех, прикрывающий грудь, причём форма его точно соответствовала упомянутой части тела (Меридит и Ильза со стыда бы сгорели, случись такое напялить). Так что вид у девы, обладавшей, кстати, весьма эффектным телосложением, был откровенно обольстительным.

Амазонка резко обернулась.

– Я что же, не имею права выглядеть красивой?

– Имеешь, – отвечала диса спокойно, – Но тогда не отнимай у других права на твою красу реагировать, – и, не стесняясь присутствием заинтересованных лиц, посоветовала Артуру. – Не связывайся с ней больше. Она странная. Лучше договорись с Энка, она не станет особенно возражать, и опыт у неё есть.

Энка опровергать слова подруги не стала, но Артур совету не последовал. Не то сифида оказалась не в его вкусе, не то происшествие его слишком смутило. Он вообще был стеснительным, замкнутым и молчаливым юношей. Хотя, о чём ему, не помнящему самого себя, было разговаривать?

Расстояние до архипелага Хельги оценил верно. К концу шестого дня Аолен увидел на горизонте землю.

Недружелюбно встретила путников историческая родина Хельги. Целая туча стрел взвилась в воздух им навстречу.

– Взбесились они, что ли?! – возмущённо крикнул гном. – Что за манеры – так обращаться с мирными путниками?!

– А ты на что рассчитывал? Мы же на драккаре, – объяснил Хельги поведение бывших земляков. – Фьордингов нигде не любят. Давайте попробуем причалить в другом месте, менее населённом.

Но Меридит не поддержала брата по оружию.

– Лучше мы станем громко орать, что мы не фьординги.

Орать пришлось долго. Хор никак не слаживался. Энка сбивала ритм своими упрёками, ей всё казалось, что Эфиселия и Аолен плохо стараются. Наконец, береговая стража всё же позволила им подойти к берегу. С некоторым даже трепетом ступил Хельги на землю предков. И первым, кого он там увидел, был Мерлин собственной персоной! Теперь он выглядел иначе – походная одежда, оружие и заплетённая в косу борода делали его похожим скорее на воина, чем на мага. Будущий учитель мэтра Перегрин стоял на берегу и напряжённо наблюдал за приближением драккара. (Наверное, он и стрелы отводил – ни одна не смогла достигнуть цели.) Но встречал маг не своих недавних клиентов. А вовсе даже Артура! Бросился к ничего не понимающему юноше, как к родному, обнял за плечи. Он казался взволнованным едва ли не до слёз. И уж так благодарил, так благодарил, что стало предельно ясно – ПЕРВЫЙ ПОДВИГ они совершили!

Но переговорить с Мерлином подробнее, расспросить про Волшебную страну они не успели, того уже ждал корабль. Забрав с собой обескураженного юношу, маг отбыл и не сказал, куда...

Колыбель его народа не произвела на Хельги ожидаемого впечатления. Возможно, виной тому было необыкновенно засушливое лето, буквально на следующий день после их прибытия сменившееся затяжным дождём. Равнины, те самые, которым, по снам, полагалось быть ярко-зелёными, цветом своим напоминали осеннюю степь Атахана, кольца дольменов казались унылыми серыми надгробиями, ни о каких радугах и речи не шло. Огненных трещин и горячих фонтанов в поле зрения не наблюдалось.

– Должно быть, остров не тот, – посетовал магистр Ингрем. – Никаких проявлений вулканизма. Давайте переберёмся на следующий?

– Вообще то, мы ищем Волшебную страну, а не фонтаны и трещины, – напомнила сильфида.

Но и с Волшебной страной дела обстояли не лучшим образом. Местные жители-люди, все до единого, утверждали, что она существует совсем рядом, под боком, но найти вход в неё не умели, хотя и рады были бы помочь «благородным господам». Представители мелких синантропных и лесных народов, те, кого удавалось заловить, знали гораздо больше. Но трепетали от страха и отказывались говорить. «Мы – твари маленькие, нам не по чину... Отпустите, ради богов, помилосердствуйте, добрые господа!» Отпускали, куда деваться? Не убивать же? А о допросах с пристрастием Аолен с Рагнаром и слышать не хотели.

Особые сложности в общении с местным населением возникли у Хельги. При виде его, не только нелюди, или фейри, как их тут называли, но даже люди-мужчины, могучие и суровые на вид, впадали в панику. Видно, на островах в прошлом снежные оборотни пользовались ещё более дурной славой, чем на большой земле в будущем. Так что, пока остальные занимались изысканиями, урождённому сприггану приходилось скучать, отсиживаясь в укромных местах. И всю вину за отсутствие результата он бессовестно сваливал на спутников: «Целую страну не можете найти! Вот я бы...»

– Да как её найдёшь? – огрызался гном. – И эта Мэб тоже хороша! Заманила и спряталась – ищите где хотите! Нет бы ей догадаться, если не встретить, то хотя бы знак подать! И кстати, по большому счёту, зачем нам нужен Бандарох? Сколько можно его спасать? От подвигов время отрываем!

– Правда, почему так получается: в прошлый раз его у нас похитили, и теперь вот опять? Стезя у него такая, что ли? – заинтересовался принц.

– Закон парных случаев, – ответил образованный наставник. – Есть такое эмпирическое правило: определённые события, схожие явления происходят парами. Бывает, например, – встретишь новое слово, название, какое прежде никогда не слышал, и очень скоро наталкиваешься на него опять.

– Тогда почему выброшенная обувь всегда валяется на дорогах по одной штуке, и никогда – парой? – этот вопрос давно не давал покоя Рагнару.

– А это уже совсем другой закон...

– Закон одинокого башмака! – сформулировал Эдуард важно.

– Пусть так, равнодушно кивнул Хельги.

Разочарование всё сильнее охватывало его. Родина предков не оправдал надежды, и теперь ему было тоскливо и неприютно, как никогда. Затерянный – таким он себя и ощущал. Отчаянно захотелось назад, в собственное время, под своды Университета, ставшие такими родными, на любимую кафедру естественной истории, к своим образцам, статьям и опытам... Или в Кансалон, на худой конец. Пусть будет казарма, пусть будет найм и битва, простая и ясная, когда знаешь, где свои, где неприятель, и не надо распутывать каверзные загадки Сил Судьбы.

Хельги ни полслова не сказал об этом вслух, но настроение его оказалось заразительным. Даже неунывающая сильфида притихла, Ильза вдруг и вовсе расплакалась: «Домой хочу!». Интересно, что вкладывала в это понятие она?

– Давайте будем логичными! – призвала Меридит решив, что пора брать ситуацию в свои руки. – Нам нужна Волшебная страна. Местные нам не помогут, приходится рассчитывать на свои силы. Аолен, вспоминай, что ты знаешь о принципе разделённого пространства, это ведь ваша магия!

Да ничего он не знал! Только то, что он, принцип этот, существует. Слишком обыденным казалось дело, чтобы уделять ему внимание. Пользовался, и всё. Разве тот, кто каждый день отпирает ключом дверь своего дома, задумывается, как именно устроен замок?

– Стоп! – насторожился Хельги. – Это уже кое-что! Значит, имеется замок?

– Ну, да, – кивнул Аолен. – Охранное заклинание. Своего рода пароль.

– Хорошо. У каждого клана пароль свой?

– Нет, что ты! Принцип один, и пароль один, каждый эльф его знает. Он открывает доступ в Сокрытые Пределы.

– Значит, и ты его знаешь?

– Безусловно... Но вам открыть не могу! Это навлечёт проклятие!.. – разволновался Аолен.

– Не открывай, кто тебя просит! – в голосе Хельги послышалось раздражение, он боялся сбиться с мысли. – Вопрос в том, будет ли ваш пароль действителен для Средневековья?

Лицо эльфа прояснилось.

– Не исключено! Наш народ входил в состав Волшебной страны. Возможно, Сокрытые Пределы – это её наследие!

– Прекрасно! – подытожил магистр Ингрем. – Ключ у нас, с большой долей вероятности, есть. Осталось найти дверь. Где обычно принято размещать вход в ваши Пределы? Бывают какие-нибудь специальные места, указатели, метки?

– Нет, это лишнее. Попасть в Сокрытый Предел можно из любой точки географического совпадения.

– Тогда какого демона ты нам голову морочишь?! – напустилась на недогадливого эльфа сильфида. – Местные ясно сказали: Страна совсем рядом, под боком. Это ли не географическое совпадение?! Быстренько, читай своё заклинание! Да не бойся, мы уши заткнём!

Читал эльф довольно долго, кое-кто успел заскучать. И вообще, неудобно идти с зажатыми ушами. С ритма сбиваешься, и со стороны выглядишь сущим идиотом. Но Аолен настаивал – надо именно идти. Стоя на месте, никуда не попадёшь. Аналогия с дверью была не совсем точной. Переход в Сокрытые Пределы – это не акт, а процесс.

– Тогда почему, когда мы первый раз мир спасали, эльфийские стражники не заставляли нас уши затыкать? – подозрительно спросила Энка. – Чужие, враждебно настроенные эльфы доверяли нам больше, чем ты, родной и любимый. Не стыдно?

– Они вели нас сквозь УЖЕ открытый проход. А я открываю путь заново. И дело не в доверии. Надеюсь, вы не хотите, чтобы родной и любимый скончался в страшных муках?

– Неужели с вас берут клятву Мельдаха? – неприятно поразился Эдуард. В его представлении, благородные и возвышенные эльфы совершенно не увязывались с отвратительным чёрным колдовством на грани запретной некромантии.

– Нет! – резко опроверг Аолен. Но, помолчав, добавил. – Кое-что похуже.

И вот он наступил, долгожданный миг, когда все сомнения остались позади. Заклинание сработало! Волшебная страна открылась пришельцам!

Это было похоже на сон наяву, тот самый сон, что временами приходил к Хельги. Холмистые зелёные равнины, высокое небо с пушистыми барашками-облачками, будто специально рассажены так, чтобы никогда не закрывали ласкового солнышка, цветы, бабочки, звенящие ручейки, радуга в три яруса, сладкоголосое пение птиц – на первый взгляд всё выглядело восхитительным. Но постепенно, постепенно в душ закрадывалось тревожащее ощущение

недолговечности и зыбкости этого сказочного мира. Слишком уж красиво, чересчур совершенно было вокруг.

Нежной, золотисто-розовой дымкой разливалось в воздухе марево чужой магии, (вызывая в памяти неприятные ассоциации с жуткой синью зачарованного Чернолесья). Неестественно-яркими казались краски – Хельги прошептал что-то про «спектры второго порядка». Птичий щебет сливался в единую мелодию, будто певцами руководил невидимый дирижёр. Цветы источали прекрасные ароматы, больше похожие не на естественные запахи, а на дамские благовония. Кроны деревьев выглядели так аккуратно, словно над ними поработали ножницы опытного садовника. Сколько ни вглядывайся, не найти было ни пожелтой травинки, ни увядшего листка, ни сухой ветки. Абсолютная, ничем не нарушенная идиллия, она казалась пошловатой опереточной декорацией, плодом воображения чьего-то капризного и незрелого ума. В ней не было самого главного – жизни. Почти физически тошно становилось от окружающей красоты – похожее чувство возникает, когда в детстве, сдуру, объеешься сладостями.

Впрочем, чувства свои приходилось держать при себе, чтобы не огорчать Ильзу. Наивная девушка пребывала в полном восторге, будто ребёнок, попавший в сказку. Но даже ей, спустя несколько невообразимо однообразных часов пути, надоело восхищаться.

Они шли наугад, в северо-западном направлении, в надежде встретить того, кто сможет указать дорогу к жилищу королевы. Но вокруг было пусто, если не принимать в расчёт всякую мелочь вроде цветочных фей и ундинок-рчейниц. Выглядят эти крошечные создания очаровательно, спору нет. Но столкнуться с ними ещё никому не удавалось – чересчур глупы, легкомысленны и беззаботны. Щебечут о чем-то своём, и нет им никакого дела до большого мира и его затерянных обитателей.

Солнце, меж тем, тоже не стояло на месте. И после короткого, нестерпимо-розового заката на смену сусально-прелестному дню пришла гротескно-безобразная ночь. С наступлением сумерек всё вокруг изменилось до неузнаваемости. Куда девались хорошенькие цветущие деревца? На их месте теперь стояли полусохшие коряги, очертаниями смахивающие на древних чудовищ, угрожающе тянули к путникам когтистые руки-ветви. Корни шевелились, будто клубки змей и, кажется, даже шипели. Вместо шелковистой травки, ровной, будто газон в королевском саду, вырос отвратительный бурьян. Местами он доходил Орвуду до пояса. В длинную бороду тут же набились репы, отчего главное украшение почтенного Канторлонга стало смахивать на хвост шелудивой собаки. Земля под ногами покрылась рытвинами и колдобинами, местами столь глубокими, что путешествие становилось небезопасным. А для ночлега было ещё рановато. Хотели воспользоваться перьями эрцинии, но на свет их слетелось столько всякой дряни, что даже стойкая Мерицит возроптала. Она не могла выносить, когда огромные ночные мотыльки задевали мохнатыми крыльями её лицо и сверкали жуткими красными глазками.

– Что за проклятие? – раздражённо удивлялся Хельги, глядя на спотыкающихся, едва ковыляющих спутников. – В этих широтах сейчас вообще не должно так сильно темнеть! Полярный день ещё не закончился! Да смотрите же вы под ноги! Канава!

Словно назло ему, тьма продолжала сгущаться, пока не стала совершенно непроглядной. Даже мертвенно-бледный диск луны погас, спрятавшись за темными низкими тучами, выросшими из облачков-барашков.

– Давайте остановимся! Я уже всю ногу подвинула! – взмолилась Ильза.

В ответ последовало привычное замечание Мерицит: «Так не говорят», и краткая лекция о культуре речи и языковых нормах. Девушка выслушала её благосклонно, потому что больше не надо было идти – решили остановиться на ночлег. Собственно, это пришлось бы сделать в любом случае. Идти дальше было некуда – упёрлись в болото. Да, прямо перед ними, среди возвышенной холмистой равнины возникло колоритнейшее болото с чёрными топями, синими огнями, зловонными испарениями и сухими корягами, похожими на обглоданные кости. Тря-

сина булькала и вздыхала, казалось, на дне её спит великан. А уж лягушки орали так, будто и в самом деле наступил конец света. С этим магистр Ингрём смириться никак не мог.

– Спятели они, что ли?

– Кто? – не понял Рагнар.

– Да лягушки, кто же ещё?! Такими голосами им положено квакать в мае, когда наступает брачный сезон! Дурдом какой-то, а не Волшебная страна!

– Чему ты удивляешься? – возразила Энка. – Можно подумать, в первый раз сталкиваешься с изменённым ландшафтом! Вспомни Чернолесье или земли кланов. Там тоже всё было иначе.

– Даже там законы природы никто не отменял. Всё было искажено, но логично. А здесь – полный абсурд! Днём одна растительность, ночью другая! Где такое видано?!

Небо опять прояснилось, показались редкие звёзды и плоская унылая луна. Крылатая раскоряченная тень, не принадлежащая ни зверю, ни птице, носилась её фоне, издавая тонкий заунывный вой, от которого мороз шёл по коже.

– Я опять достану перо, – решила Ильза. – А то мне совсем страшно.

Она правильно поступила. Мотыльки и прочие насекомые – не самая приятная компания, но всё-таки лучше ночного кровососа утборда, от которого не спасает даже защитный круг – только свет.

Впрочем, пренебрегать магической защитой они тоже не стали, и тоже правильно сделали. Среди ночи из болота вылезла тварь совершенно невозможная: высоченная – раза в два выше Рагнара, рахитично-тощая, с блёкло-желтоватой кожей, длинными перепончатыми конечностями с острыми когтями на узловатых пальцах и огромными по-жабы выпученными глазищами. Широкий безгубый рот её был оснащён редкими, но устрашающе-крупными недифференцированными зубами. (Это Хельги так подумал – «недифференцированные зубы», была как раз его очередь нести караул.) Хвост у твари был короткий и толстый, а уши маленькие, плотно прижатые к лысой голове. Чем-то она смахивала на курганника, но явно принадлежала к другой, неизвестной породе нежити. Во всяком случае, ничего подобного в современном Староземье Хельги встречать не доводилось.

– Здорово, – сказала ему тварь, усаживаясь рядышком на траву. С неё тут же натекла небольшая лужица, остро пахнувшая тинной. – Караулишь? – голос у чудовища был хрипловатый, но приятный, а речь гораздо ближе современной, чем к средневековой.

– Караулю, – подтвердил демон. – А что?

– Да так... – замялась тварь. И призналась честно. – Жрать очень хочется.

– У нас лепёшка есть. Будешь? – предложил Хельги любезно.

– Не, – отказалась нежить. И вздохнула мечтательно. – Свежатинки бы...

Хельги развёл руками.

– Ну, извини. Ничем помочь не могу.

Тварь понимающе кивнула. А потом с надеждой уточнила.

– Я что подумал. Много вас, может, кто ненужный найдётся? Уж больно я проголодался. Смотри, как рёбра торчат! – для пущей наглядности она привстала и втянула довольно объёмистый живот.

На секунду у преисполнившегося сочувствием Хельги мелькнула нехорошая мысль об амазонке. Но на то, что Аолен и Рагнар позволят скормить вредную деву болотной твари, нечего было и надеяться. Чудовище правильно расценило молчание собеседника и вновь издало горький вздох. Несколько минут оба сидели молча, в одинаковых позах, почти бок о бок, лишь защитный круг разделял их. Говорить, вроде бы, было не о чем. Но Хельги не хотелось, чтобы ночной гость уходил – очень уж скучно сидеть вот так одному, в чужой стране, в чужом времени, когда не с кем и словом перемолвиться...

Тварь пошарила рукой в воздухе, натолкнулась на препятствие. Поинтересовалась равнодушно.

– А это что у вас? Круг? Маги, значит?

– Ну, не то чтобы маги. Так, пользуемся иногда.

Собеседник чуть встрепенулся.

– Слушай! Я подумал, вы часом не те пришлые твари, что прогневили королеву, а?

– Пожалуй, те, – согласился демон. – А ты откуда про нас знаешь?

Чудовище вновь скуксилось, безнадежно махнуло рукой.

– Слухи, слухи. Они у нас бы-быстро разлетаются. В одном краю чихнёшь – в другом слышно. Страна называется!.. Эх, мне бы в большой мир! На волюшку! Там болота знатные, обширные, болотниками кишат, а бывает, и утопнет кто... Вот бы я разгулялся!

– Чего же не переселишься? Недалеко ведь.

– САМА не пускает! К месту приворожила, и не кормит путём!

– Кто не пускает?! – Хельги искренне заинтересовался судьбой горемычного чудища.

– Мэб, чтоб её гром поразило! Королева наша. Зловредная, доложу тебе, баба! С виду – красавица лучше и не надо. А по характеру – чистая упырица... Вы-то чем ей не угодили?

– Сами не знаем! – огорчился Хельги. – Хотел тебя спросить. Мы ничего плохого не делали. Только один раз принцессу из лягушки расколдовали. Может, в этом причина?

– Нет! – заявила чудовище с большой уверенностью. – Это у нас обычное дело, она за такую малость сердчать не станет. Это я тебе говорю, Лавренсий Снурр... Сам, к слову, кем будешь?

Хельги представился.

– Из фьордингов, значит, – поняло чудовище. – Знаю, едал бывало. Окаянный вы народ, не в обиду будь сказано.

– Не совсем из фьордингов, – уточнил Хельги справедливости ради. – Я урождённый спригган, но считаюсь демоном-убийцей.

Чудище тихо, чтобы не помешать спящим, расхохоталось.

– Ну, повезло тебе, парень! Одно другого хлеще! Просто ходячий кошмар! Интересно, Мэб знает, с кем связывается? – и вдруг заторопилось – Эх, поговорил бы с тобой ещё, да не могу! Во-он там, видишь? – утренняя звезда вылезла. Значит, мне под воду пора. Такой она мне распорядок установила. Мне, Лавренсию Снурру – распорядок! Куда мир катится?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.